

Изъ Дневника

баронессы Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ

31 Декабря 1918 г.

Сегодня канунъ Нового Года, какой печальный для насъ всѣхъ. Въ городѣ страшная паника. Слухи о приближающейся красной арміи встревожили всѣхъ. Изъ имѣній все устремилось въ городъ. Поѣзда одинъ за другимъ уходятъ, увозя несчастныхъ бѣженцевъ. Послѣднія части нѣмецкой оккупационной арміи ушли утромъ. Нѣмецкихъ солдатъ почти не видно. Такъ называемая «Желѣзная дивизія» частью тоже ушла, меньшая часть еще вмѣстѣ съ ландверомъ на фронтѣ. Передъ уходомъ нѣмецкихъ частей можно было часто видѣть на улицахъ, какъ нѣмецкіе солдаты продавали свои ружья латышамъ. Пока еще одинъ Балтійскій ландверъ частью на фронтѣ, частью въ городѣ старается поддержать порядокъ. Съ приближеніемъ внѣшняго врага и внутренніе большевики подняли головы. Въ казармахъ взбунтовалась цѣлая латышская часть ландвера. Она была усмирена по требованію англійскаго адмирала Нельсона временнымъ латышскимъ правительствомъ. Разстрѣляно десять зачинщиковъ. Два англійскихъ крейсера еще находятся въ Рижскомъ порту; латышское вр. правительство тоже пока еще въ городѣ. — Въ четыре часа дня появились въ городѣ вездѣ расклеенныя объявленія за подписью адмирала Н. и латышскаго вр. правительства о томъ, что слухи о приближеніи къ Ригѣ цѣлой красной арміи лишены всякаго основанія; тѣ небольшіе отряды, которые замѣнены были въ различныхъ мѣстахъ, суть ничто иное, какъ отдѣльныя разбойничьи банды, которыя частью разсѣяны, частью уничтожены нашими храбрыми добровольцами. Въ заключеніи англійскій адмиралъ обѣщаетъ населенію полную безопасность, ссылаясь на присутствіе англійскихъ кораблей. Населеніе ожило, и многіе, имѣвшіе билеты на пароходы, вернули ихъ или переустунили, рѣшивъ, что, пожалуй, паника преждевременна и, какъ всегда, у страха глаза велики. Я лично думаю, что дни Риги сочтены. Мои belles soeurs со всѣми дѣтьми уже три дня какъ покинули городъ и уѣхали въ Германію, мужа ихъ пока въ ландверѣ. — Мужа въ послѣдніе дни почти не вижу, онъ заваленъ работой. Въ тѣ короткіе промежутки свободнаго отъ занятій времени, когда мы видимся и успѣваемъ другъ другу сказать нѣсколько словъ, я еще больше убѣждаюсь, что Рига будетъ взята большевиками. Къ счастью вопросъ, куда я дѣнусь съ Лющей въ случаѣ ухода мужа съ ландверомъ, вчера благополучно разрѣшился. Предложили мѣсто сестры милосердія къ хирургической больнои. Люща останется при мнѣ, а мое жалованье идетъ въ счетъ его содержанія. Семья симпатичная, состоитъ изъ двухъ пожилыхъ, моеи больнои и ея тетки, и двухъ братьевъ старичковъ С., номѣщниковъ и сосѣдей по имѣнію, живущихъ у нихъ. Такимъ образомъ, я буду въ

семь и одиночество въ чужомъ мнѣ городѣ не будетъ такъ замѣтно. — Вчера произошло еще одно событіе: Б. М. сдѣлалъ Дэзи предложеніе. Они уже давно любятъ другъ друга и теперь, когда Д. овдовѣла, ничто не препятствуетъ ихъ браку. Мать его, обожающая его, какъ старшаго и единственнаго сына, относится къ ихъ браку не сочувственно. Конечно, она желала бы для сына чистокровную нѣмку, Д. же только по матери имѣетъ нѣмецкую кровь, кромѣ того, родилась и воспитана въ Петроградѣ. — Главное, они счастливы, дико счастливы! Несмотря на всѣ просьбы Б., чтобъ она бѣжала съ его матерью за-границу, Д. не согласилась, говоря, что не можетъ оставить своего десятилѣтняго брата и, не имѣя средствъ ѣхать съ нимъ, не желаетъ жить на счетъ его семьи. Б. пришлось покориться. Рѣшено, что она остается сестрою въ частной клиникѣ, гдѣ она и сейчасъ работаетъ. Въ 10 ч. они заѣхали за мною и, несмотря на все мое нежеланье видѣть людей и быть сегодня въ обществѣ, я не могла отказать этой счастливой милой парѣ принять тоже участіе въ встрѣчѣ Новаго Года. — Когда мы пріѣхали въ Hôtel de Rome, было уже довольно поздно и все общество было въ сборѣ. Рѣчь шла, конечно, о событіяхъ послѣднихъ дней, о слухахъ съ фронта. Настроеніе преобладало, какъ это и не удивительно, оптимистическое — можетъ быть, подъ влияніемъ вина. Мнѣ невольно пришло сравненіе «Пиръ во время чумы». Мать Б. тоже пріѣхала съ дочерью. Мы заняли отдѣльный столикъ, за которымъ, кромѣ насъ всѣхъ, сидѣла еще молодая чета Б. Наша сіяющая счастливая парочка заставила насъ дѣйствительно забыть суровую дѣйствительность. Она была общимъ предметомъ вниманія, и поздравленія и пожеланія сыпались на нее со всѣхъ сторонъ. Все общество поджидало начальника ландвера, который обѣщалъ пріѣхать; отъ него надѣялись узнать, въ какомъ положеніи наши дѣла на фронтѣ. За десять минутъ до полуночи онъ появился въ залѣ въ сопровожденіи начальника штаба и адъютанта. Все общество шумно привѣтствовало его, со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы. «Что на фронтѣ? Справедливы ли слухи о прорывѣ? Дѣйствительно ли уходитъ изъ Риги ландверъ?» — «Я извиняюсь, что опоздалъ», раздался его спокойный голосъ, «дѣлъ много, черезъ четверть часа принужденъ покинуть ваше любезное общество, присутствующихъ здѣсь господъ офицеровъ прошу также прибыть въ штабъ, такъ какъ есть срочные вопросы. Господа, было бы легкомысленно съ моей стороны утверждать, что все обстоитъ великолѣпно. Положеніе серьезно и весьма серьезно; съ нашей стороны дѣлается все, что возможно, но если вы меня спрашиваете совѣта, то я вамъ отвѣчу: береженного и Богъ бережетъ. Кто въ состояніи отправить семью въ болѣе безопасное мѣсто, обязанъ это сдѣлать для собственнаго спокойствія и свободы дѣйствій. Относительно ландвера слухи неосновательны. Онъ до конца исполнитъ свой долгъ и, если уйдетъ, то, конечно, послѣднимъ. Господа, не будемъ портить себѣ встрѣчу Новаго Года всевозможными предположеніями... вотъ, кстати, и вино. Позвольте пожелать всѣмъ здѣсь присутствующимъ благополучнаго Новаго Года». «А ландверу — побѣды», раздалось со всѣхъ сторонъ. Онъ особенно сердечно поздравилъ Б. и его невѣсту. Лицо его на минуту совсѣмъ прояснилось, глядя на ихъ счастливыя лица. Послѣ взаимныхъ поздравленій общество разбилось на отдѣльныя группы. Н. В. одна вносила дисгармонію въ нашъ нѣсколько оживившійся кружокъ. Она была очень нервна и мы не узнавали сегодня въ ней обычно беззаботной кокетливой женщины. Она поминутно обращалась къ мужу съ вопросомъ: «что же надо дѣлать, папочка?» «Ахъ, все это не такъ страшно, Ниночка; мнѣ, напримѣръ, гораздо важнѣе обѣщаніе англійскаго адмирала, чѣмъ всѣ совѣты начальника ландвера. Англичане — народъ обстоятельный и, если адмиралъ заявляетъ, что нѣтъ опасности, то повѣрь, что это такъ и есть» — «Мнѣ кажется, вы придаете слишкомъ большое значеніе обѣщаніямъ англійскаго адмирала, холодно возразилъ Б. Я долженъ

васъ разочаровать: наше славное врем. правительство уже два часа тому назадъ покинуло Ригу, направляясь къ Либавѣ, а англійскіе крейсера стоятъ уже подъ парами и тоже вѣрпо не замедлятъ покинуть портъ». — «Простите, но этого не можетъ быть! Вы, какъ нѣмецъ, не любите англичанъ и относитесь къ нимъ пристрастно, но Вы не можете не признать, что это величайшіе полтики въ мірѣ.» — «Во-первыхъ, я не вижу, за что я ихъ долженъ любить, — а на счетъ политики, простите, я такую политику уважать не могу». Разговоръ шелъ еще нѣкоторое время на эту тему, когда мать Б. къ общему удовольствію прервала его замѣчаніемъ, что, кажется пора по домамъ. — Начался разъѣздъ. Усадивъ мать и сестру въ санп, Б. проводилъ Д. В. и меня, такъ какъ мы всѣ живемъ въ одномъ домѣ. —

1 Января

Слухи съ фронта очень тревожные: небольшая часть ландвера наскочила на большія силы непріятели. Есть убитые и очень много раненыхъ, послѣднихъ сейчасъ эвакуируютъ дальше. Улицы запружены обозами, повозкамп, кухнями, все это тянется по направленію къ Двинѣ. Сегодня ушло нѣсколько пароходовъ съ бѣженцами. Сомнѣнія нѣтъ, Рига обречена! Англійскіе крейсера еще въ порту, — англійскій адмиралъ продолжаетъ обѣщать населенію полную безопасность. И есть еще дураки, которые вѣрятъ! Еще никто не говоритъ объ уходѣ ландвера, но развѣ это не ясно, что не сегодня, завтра она оставитъ городъ! Дорога къ Ригѣ свободна и большевики не замедлятъ явиться. —

Къ пяти часамъ, какъ было вчера условлено, мы собрались къ чаю у Дэзи; въ ея уютныхъ двухъ комнатахъ было все очень мило устроено. Будущая *belle mère* съ дочерью тоже присутствовала. Кромѣ меня съ мужемъ и четы С. никого больше не было. Еще разъ поздравивъ жениха и невѣсту и выпивъ по бокалу шампанскаго, мы всѣ довольно скоро ушли, предоставивъ ихъ другъ другу, такъ какъ уже черезъ два часа Б. долженъ былъ ѣхать на фронтъ съ какимъ-то порученіемъ. Завтра уѣзжаетъ его мать и сестра за-границу. Рѣшено окончательно, что мы съ Дэзи и дѣтьми остаемся въ Ригѣ. Его мать и не очень настаивала, чтобы Д. съ братомъ уѣхали съ ними, находя, повидимому, это совершенно естественнымъ. Эгоизмъ этихъ людей для меня нѣчто новое!

2 Января

Сегодня ушелъ послѣдній поѣздъ изъ Риги. Съ нимъ уѣхали мать и сестра Б. Мы съ Д. провожали ихъ. Б. удалось ихъ сравнительно хорошо устроить, онѣ могли сидѣть. На вокзалѣ было невообразимое столпотвореніе. Платформа была завалена всякаго рода вещами. Съ трудомъ можно было подвигаться впередъ. Люди буквально давили другъ друга, чтобы попасть въ поѣздъ. Прощанія уѣзжающихъ съ остающимися были душераздирающими. Вотъ съ повязанной головой и рукой на перевязи юный воинъ въ третій разъ поднимается на ступеньки, чтобы проститься съ поджидающей на платформѣ вагона матерью и каждый разъ принужденъ отступить передъ нажимающей со всѣхъ сторонъ публикой. Такъ имъ, кажется, не удалось проститься. Люди сидѣли, стояли, висѣли на крышѣ, на ступенькахъ, на буферахъ. Какъ они доѣдутъ живыми при 18 гр. мороза — одному Богу извѣстно. Б. простился раньше съ своими и уѣхалъ, торопясь къ своей части. Теперь уже не секретъ, черезъ нѣсколько часовъ ландверъ оставляетъ Ригу, долженъ сдѣлать это поспѣшно, такъ какъ непріатель быстро приближается и можетъ каждую минуту преградить ему путь отступленія. Когда мы съ Д. возвращались съ вокзала, былъ уже второй часъ; пошли пѣшкомъ; шли молча, каждая занятая своими мыслями, и невеселы были эти мысли! Черезъ два часа уйдетъ ландверъ и тогда мы оставимся совсѣмъ однѣ въ чужомъ городѣ, среди чужихъ, безразличныхъ людей . . . на произволъ приближающейся дикой

орды . . . Мы зашли за дѣтьми и направились къ Двинѣ, гдѣ уже были выстроены ландверъ, готовый къ походу. Картина, представившаяся нашимъ глазамъ, была волшебной красоты. Слева громадное зданіе семинаріи съ золотымъ куполомъ, рядомъ скверъ, покрытый бѣлымъ пушистымъ инеемъ, какъ сказочный садъ выдѣлялся на ярко-красномъ фонѣ неба, вдоль него тянулась безконечная лента выстроенаго ландвера. Въ сторонѣ уже стояла довольно большая группа людей, состоящая большею частью изъ матерей и женъ, остающихся въ городѣ и пришедшихъ въ надеждѣ еще разъ, можетъ быть въ послѣдній, увидѣть своихъ дорогихъ. Стоящіе часовые не пропускали за цѣпь, но время отъ времени изъ строя отдѣлялся юный воинъ, замѣтивъ въ группѣ стоявшихъ знакомое дорогое лицо, подбѣгалъ и простившись, быстро возвращался на мѣсто. Нашихъ еще не было видно. Все время непрерывно раздавались выстрѣлы. Очевидно, взрывали остающіеся орудія и пулеметы. Мы стояли уже больше часу. Становилось невыносимо холодно. Недалеко отъ насъ стояла небольшая кучка какихъ-то оборванцевъ, тихо между собою разговаривающихъ и злорадно поглядывающихъ въ нашу сторону. Наши будущія власти, подумала я. Очевидно и Д. неприятно поразпла эта кучка людей, она мнѣ кивнула въ ихъ сторону и тихо сказала: «вотъ въ чьей власти мы остаемся». Дѣти начали жаловаться на холодъ. Но вотъ у выхода засуетился. Изъ главнаго аданія быстро вышло начальство, какъ-то торопясь пошло по фронту и, послѣ короткой рѣчи, которую мы разобрать не могли, раздалась команда. Ряды стройно задвигались и двинулись по направленію Торенсберга. Въ послѣдній моментъ уже къ намъ подбѣжали мужъ и Б. и, быстро простившись съ нами и дѣтьми, пошли догонять уходившія части. Это былъ короткій моментъ, гдѣ одинъ взглядъ, одно рукопожатіе сказали больше, чѣмъ самыя краснорѣчивыя слова. Вотъ и послѣдній рядъ завернулъ за уголъ зданія, чрезъ моментъ все скрылось съ нашихъ глазъ. Среди оставшихся плакали. Дззи взяла меня молча подъ руку; бѣдняга едва сдерживала рыданія, я тоже боролась со слезами. Мы тихо пошли черезъ скверъ. Дѣти, притихшіе и печальныя, слѣдовали за нами. — Когда мы проходили мимо стоявшей кучки оборванцевъ, раздался насмѣшливый замѣчаііа: «своихъ Фрицевъ провожали».

10 часовъ вечера

Какое жуткое чувство неизвѣстности! Все время слышны выстрѣлы. Съ улицы доносятся крики и ѣзда. Люша давно спитъ крѣпкимъ сномъ. Счастливый возрастъ! Онъ спитъ въ комнатѣ бар. М. — я рядомъ съ больной. Славная М. — приняла на себя всѣ мои обязанности. Я такъ счастлива, что онъ со мною. Моя больная оказалась симпатичной старушкой. Обоюдное одиночество способствовало скорѣйшему нашему сближенію. Ея обѣ дочери съ мужьями и сынъ съ семьей вчера тоже уѣхали. — Сейчасъ мы всѣ, кромѣ больной, сидимъ въ гостинной. Оба старика бодрятся, завяты раскладываніемъ пасьявса. В. М. по обыкновенію вяжетъ въ углу дивана, а я пишу, вѣрнѣе, сижу и ничего не дѣлаю. Отсутствую, — миллионъ всякихъ мыслей и ничего определеннаго. Горничная Юлія вноситъ чай и прерывающимся голосомъ рассказываетъ, что въ городѣ грабятъ лавки и убиваютъ. Чернь подожгла интендантскіе склады и громитъ ихъ. Я отдернула тяжелую портьеру съ окна. Небо было залито заревомъ пожара. На дворѣ было свѣтло, какъ днемъ. Къ сожалѣнію, наши окна выходили во дворъ и, что происходило на улицѣ, намъ не было видно. Какая ужасная ночь и что ждетъ еще впереди! . . . Когда прислуга убрала посуду и ушла къ себѣ, — мы принялись съ М. убирать все серебро въ огромную кушетку, на которой я спала въ комнатѣ больной. Это была нелегкая работа, пришлось отрывать, а потомъ опять прибивать полотно снизу. Бриллианты и золотыя вещи замотали въ клубки шерсти. Деньги и цѣнныя бумаги тоже искусно спрятали въ центральное

отопленіе. Больная тоже помогала намъ заворачивать вещи въ бумагу. Я рада была этой работѣ; она отвлекала отъ тяжелыхъ гнетущихъ мыслей. Старики тоже не рѣшались ложиться и, сидя въ углу, курили свои трубки, парѣдка перекидывался словомъ. Мы только что закончили свою работу, когда вдругъ въ передней раздался слабый звонокъ; всѣ невольно вздрогнули. Я вышла узнать, въ чемъ дѣло. Въ дверяхъ стояла Марихенъ снизу отъ В. (бонна сына). «Ради Бога, баронъ Н. К. просить васъ на минуточку внизъ. Зная, что мужъ Н. долженъ былъ тоже уйти съ ландверомъ, несмотря на всю свою вѣру въ англійскаго адмирала и обстоятельность англійскаго народа, я рѣшила, что Н. испугалась навѣрное одиночества и, уснокоивъ своихъ стариковъ, которые просили не засиживаться, спустилась внизъ. — Каково было мое удивленіе, столкнувшись въ дверяхъ гостинной съ самимъ хозяиномъ и его другомъ С. Н. еще въ военныхъ пальто и фуражкахъ. «Развѣ ландверъ», начала я, но В. поторопился меня успокоить: «онъ благополучно отбылъ изъ Торенсберга, я въ послѣдній моментъ выскочилъ изъ поѣзда и вернулся назадъ. Мысль, что жена съ ребенкомъ однѣ въ чужомъ городѣ, не давала мнѣ покою». — «Но вѣдь это, безуміе, вы еще больше ухудшаете ея положеніе своимъ присутствіемъ; о Васъ я уже не говорю». — «Да вотъ и онъ, указаль В. на пріятеля, — тоже вернулся». — «Да, что н, я вернулся за компанію, у меня вѣдь тоже есть жена и сынъ». «Я умру, умру отъ одного страха за Васъ», начала Н., прижимаясь къ плечу мужа. «Какъ же быть, здѣсь же Вамъ оставаться нельзя, завтра пойдутъ навѣрно обыски». Онъ сказалъ, что они пришли только успокоить жену и, переодѣвшись въ штатское, сейчасъ уйдутъ къ его пріятельницѣ, старушкѣ-сапожницѣ, которая ихъ и укроетъ на время обысковъ. «Будьте милан, баронесса, и выпустите насъ только на улицу, чтобъ въ домѣ никто не видѣлъ». Черезъ десять минутъ они были готовы и я ихъ благополучно выпустила. Улица была полна бѣгущаго народа: мужчины, женщины, дѣти тащили на саняхъ и на плечахъ ящики, мѣшки, кули, очевидно награбленные въ горѣвшихъ складахъ. Зарево пожара освѣщало какимъ-то зловѣщимъ краснымъ свѣтомъ эту необычайную ночную картину. Подождавъ, пока они благополучно перебрались на другую сторону, я едва успѣла закрыть дверь, какъ изъ швейцарской выглянула швейцариха и, увидавъ меня, вышла изъ своего подполья: «Боже, откуда Вы такъ поздно, сестрица, въ такую ночь-то? Впдѣли объявленіе у нашихъ воротъ. Смерть нѣмцамъ, измѣнникамъ, а у насъ, поди, всѣ квартиры почти баронскія». Она дрожала какъ въ лихорадкѣ. «Ничего, Богъ поможетъ, идите лучше спать, Берзингъ». «Какой тутъ сонъ, каждую минуту ждешь, вотъ, вотъ позвонятъ. Уже днемъ сегодня говорили на улицахъ, что ночью будутъ ходить по квартирамъ искать виновниковъ». Пожелавъ ей еще спокойной ночи, я поторонилась наверхъ, гдѣ меня ждали въ большомъ волненіи старики. Рассказавъ имъ все, уговорила ихъ ложиться спать. Сама же, не раздѣваясь, прилегла въ гостинной на диванѣ. Зарево ярко освѣщало комнату. Я долго не могла заснуть. Самыя ужасныя картины рисовались возбужденному воображенію, но въ концѣ концовъ усталость взяла свое и я крѣпко заснула.

3 Января

Ночью англійскіе крейсера покинули портъ. Утромъ разбудила меня М., сообщивъ, что уже во многихъ домахъ по Елисаветинской идутъ обыски и аресты. Она протянула мнѣ летучій листокъ вмѣсто газеты, гдѣ въ безконечныхъ столбцахъ слѣдовали всевозможные декреты совѣтскаго правительства за подписью «Штучко». Да, ничего хорошаго не обѣщаетъ намъ ата «Штучка». Первый декретъ, вапечатанный жирнымъ шрифтомъ, гласилъ о сдачѣ оружія въ двухдневный срокъ, подъ страхомъ смертной казни. — У насъ въ квартирѣ находилось нѣсколько ружей, оставшихся послѣ уѣхавшихъ внуковъ и сына. Рѣшено было единогласно всѣ отослать по указанному адресу. —

Послѣ завтрака мнѣ пришлось сходить относительно моей больной къ доктору. Улицъ не узнать, онѣ полны исключительно черпью. Всѣ вооружены, не исключая женщинъ и подростковъ. На автозачникахъ поминутно проѣзжаютъ какіе-то пьяные типы съ ружьями на взводѣ, раскачиваясь во всѣ стороны и на всю улицу горланя: «смерть Фрицамъ и ихъ укрывателямъ!» При ихъ приближеніи толпа разбѣгается въ стороны. Дойдя до Вейдендамма, пришлось остановиться, со всѣхъ сторонъ бѣжала толпа. Раздался неистовый крикъ удовольствія, со стороны Вейдендамма поназалась конница красной арміи. Повидимому, она вступала въ городъ. Червь восторженно привѣтствовала большевиковъ. Люди и лошади были въ довольно хорошемъ видѣ. Солдаты въ шинеляхъ и сѣрыхъ мѣховыхъ шапкахъ. Подростки и бабы, прилясывая, стрѣляли въ воздухъ, выражая этимъ полный восторгъ. Когда же за конницей показались латышскіе стрѣлки, восторгу не было границъ; толпа неистово ревѣла, раздался латышскій гимнъ. Кое-какъ пробравшись между двумя проходившими частями на другую сторону и съ трудомъ подвигаясь въ толпѣ, я на углу слѣдующей улицы столкнулась съ душераздирающей процессіей: два совсѣмъ молодыхъ русскихъ офицера въ полубубкахъ, одинъ безъ фуражки съ разрубленной щекой, изъ которой ручьемъ текла кровь, съ ними еще два нѣмецкихъ солдата въ вицъ-мундирахъ безъ фуражекъ шли подъ конвоемъ вооруженныхъ латышей; они шли молча съ опущенными головами, очень блѣдные, но спокойно. «Куда ихъ ведутъ», невольно спросила я. Отвратительнаго вида женщина, усмѣхаясь, отвѣтила мнѣ: «извѣстно, сестрица, куда!» Я непроизвольно двинулась за ними, одинъ изъ сопровождавшихъ латышей, замѣтя меня, пригрозилъ ружьемъ. На мой вопросъ, что съ ними хотятъ сдѣлать, онъ приложился къ ружью. Боже, какая жестокость, возможно-ли! Не успѣли они еще пройти и пятидесяти шаговъ, подошли какъ разъ къ сквернику, черезъ который мы вчера съ Дези возвращались, какъ ихъ всѣхъ четверыхъ выстроили, раздались выстрѣлы — и тѣла ихъ тяжело опустились на снѣгъ. Крикъ ужаса замеръ у меня на губахъ. Колѣни до того дрожали, что я принуждена была опуститься на ближайшую скамью. Вотъ онъ красный терроръ!

4 Января

Обыски и аресты идутъ во всемъ городѣ. Сегодня арестованы Ф., отецъ совершенно больной 68 лѣтній старикъ и его сынъ, и много другихъ, ихъ подъ конвоемъ уводятъ въ тюрьму. Сегодня неоднократно можно было встрѣтить такія процессіи.

7 Января

Возвращаясь домой, въ воротахъ встрѣтила челоуѣкъ шесть вооруженныхъ латышей, выходившихъ изъ нашего дома: — перепуганная швейцариха шепнула мнѣ, что былъ обыскъ въ обѣихъ квартирахъ четвертаго этажа (надъ нами), причемъ обѣ семьи выселяются и обязаны до вечера оставить свои квартиры, не смѣя ничего взять изъ мебели или вещей, кромѣ смѣны бѣлья и небольшого количества съѣстныхъ припасовъ. Потомъ я была свидѣтельницей, какъ эти несчастные люди съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ и съ скудными узелками въ рукахъ покидали свои жилища. Съ старой 80-лѣтней бабушкой, которую несли на рукахъ, сдѣлалось дурно. Обѣ семьи были многочисленны и совсѣмъ несостоятельны: одна — пастора, другая — учителя. Теперь, вѣрно, скоро и за нами очередь! Вечеромъ водворились новые квартиранты — члены какой-то коммунистической организаціи. Праздновали ли они свое новоселье или взятіе Риги, но, повидимому, у нихъ шель пиръ горой. Пьяными голосами орали какія-то дикія пѣсни, немилосердно колотили по роялю. Играла гармоника, подъ которую танцевали; у насъ въ квартирѣ буквально все тряслось и прыгало. Слышенъ былъ шумъ опрокидываемыхъ стульевъ, неистовые крики ура, звонъ разбиваемой посуды, порой дикія взвизгиванья женщинъ. — Въ пятомъ часу весь скандалъ перенесся

на лѣстницу. Коммунисты выставляли вонь своихъ дамъ, которыя пьяными голосами кричали и ругались. Мы всю ночь такъ и не сомкнули глазъ. Въ шестомъ часу наконецъ все въ домѣ затихло.

9 Января

Газеты принесли вѣсть о взятіи Митавы большевиками. Варывъ порохового погреба былъ слышенъ въ Ригѣ. Сегодня обнаружилось очень непріятное обстоятельство, а именно: горничная Юлія со слезами сообщила мнѣ, что вчера во время обыска верхнихъ квартиръ были также наложены печати на всѣ чердачныя отдѣленія, причемъ, уходя, солдаты сказали, что въ случаѣ завтра на одномъ изъ отдѣленій окажется спрятаннымъ оружіе, вся соотвѣтствующая квартира будетъ разстрѣляна до послѣдняго человѣка. Я сначала не могла понять ея волненія, такъ какъ знала, что всѣ ружья были отосланы М., но тутъ выяснилось, что два ружья племянника, онѣ съ М. отнесли на свое чердачное отдѣленіе и закопали подъ ящиками и всякимъ мусоромъ. Ясно, что завтра ихъ найдутъ и тогда никому не сдобровать, а что еще хуже, это то, что Эмма — кухарка, кажется, обо всемъ догадывается и ужъ изъ одного страха можетъ донести; по словамъ Юліи, достать ружья нѣтъ никакой возможности, и она рѣшила сегодня же еще вечеромъ уйти отъ господъ, у которыхъ прослужила 20 лѣтъ. Обѣщавъ ей все уладить, я вошла въ комнату больной. Всѣ старикки были въ сборѣ, волновались и не знали, что дѣлать. Увидавъ меня, закричали: «Слышали?» «Что же дѣлать, надо попробовать достать ихъ». — «Да, вѣдь это невозможно! Вы не знаете нашего чердака». Въ концѣ концовъ было рѣшено отослать послѣ обѣда обѣихъ кухонныхъ донь съ порученіями. Юлія должна была стать на стражѣ на лѣстницѣ у кухни, а М. идти со мною на чердакъ, гдѣ я хотѣла попробовать перелѣзть въ промежутокъ между рѣшетчатой стѣной и крышей. Задача была нелегкая и въ томъ отношеніи, что все время по лѣстницѣ поднимались какіе-то субъекты въ квартиру коммунистовъ. Нужно было улучшить моментъ, чтобы незамѣтно проскочить на чердакъ. Раза два пришлось отступить въ кухню, такъ какъ по лѣстницѣ то спускались, то поднимались какіе-то типы. Наконецъ-таки проскочили. Взобраться по тонкой рѣшетчатой высокой стѣнкѣ была далеко нелегкая задача. Пришлось призвать на помощь все свое искусство молодыхъ лѣтъ и побиться добрыхъ полчаса, пока я съ большими усиліями добралась наконецъ до верху, каждую секунду ожидая, что сорвусь и упаду вмѣстѣ со стѣнкой, которая буквально раскачивалась подо мной во всѣ стороны, но въ тотъ моментъ, когда я уже была наверху, мы услышали голоса, шаги, ключъ въ замкѣ повернулся. М. едва успѣла задуть свѣчу и спрятаться въ углу за бочку, а я замерла въ своемъ поднебесьи, балансируя во всѣ стороны, чтобы какъ-нибудь сохранить равновѣсіе. Дверь открылась и на чердакъ вошли дѣвушка въ сопровожденіи солдата съ корзиной, весело болтая по латышски, они принялись снимать бѣлье на общемъ чердакѣ. Бесѣда ихъ, къ моему ужасу, затянулась бы очевидно значительно дольше, еслибы не слишкомъ рѣшительный маневръ кавалера, вздумавшаго ее поцѣловать, послѣ чего, она къ моему величайшему удовольствію, поторопилась оставить чердакъ. Ея рыцарь послѣдовалъ покорно за ней. Въ углу мелькнулъ огонекъ и изъ-за бочки показалось испуганное и все перемазанное лицо М. — Видѣя былъ до того комиченъ, что несмотря на весь ужасъ нашего положенія, я не могла удержаться отъ смѣха, причемъ потеряла равновѣсіе и скользнула внизъ по стѣнкѣ, упавъ на что-то мягкое, очень пыльное оказавшееся старымъ сломаннымъ диваномъ. За рѣшеткой раздался испуганный голосъ М.: «Вы не ушиблись?» «Нѣтъ, наоборотъ!» Немного придя въ себя, я отыскала, по указанію М., ружья и укрѣпивъ ихъ себѣ на спинѣ, тѣмъ же путемъ благополучно вернулась обратно. М. со слезами бросилась мнѣ на шею. Радость стари-

ковъ и Юліи были безграничны, но теперь предстоялъ вопросъ — куда ихъ дѣть? Каждую минуту могли явиться съ обыскомъ. — Разобравъ ихъ, завернувъ въ бумагу и положивъ въ портъ-пледъ, куда еще сверху положила пѣскольно полѣньевъ, я вышла, когда немного стемнѣло, съ своей страшной пошей на улицу, направляясь къ дому № 3, бывшей квартирѣ моего beau frèге; теперь весь домъ былъ занятъ военной организаціей по продовольствію войскъ. Тамъ во дворѣ, очень темномъ, я и хотѣла забросить ихъ въ погребъ. На первомъ углу меня патруль пропустилъ, но на слѣдующемъ подошелъ и спросилъ, что я несу. На мое счастье, это былъ русскій! «Немного дровъ», отвѣтила я. Онъ взялся рукой за пону и ощупавъ полѣло, пропустилъ со словами: «идите, сестрица, съ Богомъ». Фу, какъ сердце бьется, только бы добраться благополучно до воротъ; на мое счастье — ни души на улицѣ, вотъ и ворота, еще моментъ и я была во дворѣ, гдѣ безъ труда достигла погреба и, отдѣлавшись отъ своей ноши, благополучно вернулась къ безпокоившимся за меня старичкамъ. —

10 Января

Зашла къ Д., но не застала, узнала отъ Саши, что она почти безвыходно въ клиникѣ, онъ видитъ ее очень рѣдко. Сегодня торжественныя похороны «жертвъ нѣмецкаго произвола», такъ гласитъ громадная надпись на первой страницѣ сегодняшней газеты. Изъ десяти растрѣлянныхъ латышскимъ вр. правительствомъ зачинщиковъ бунта въ латышской ротѣ, ихъ оказалось теперь двадцать семь. Къ тѣмъ десяти были присоединены всѣ убитые въ ночь пожара при ограбленіи складовъ. Всѣ трупы были звѣрски изуродованы большевиками съ цѣлью, конечно, еще больше возстановить чернь противъ нѣмецкихъ имущихъ классовъ. Всѣ двадцать семь гробовъ были выставлены для обозрѣнія звѣрствъ «бѣлаго террора». Похороны были торжественныя, съ музыкой, военнымъ парадомъ, рѣчами, депутаціями, чуть не до грудныхъ дѣтей, съ огромными плакатами и вызывающими надписями. Городъ разукрасился красными и черными флагами. Для этой цѣли было окрашено въ красный и черный цвѣтъ все націонализированное великолѣпное столовое и постельное бѣлье въ частныхъ домахъ. Самъ «Штучка», одѣтый съ иголки, живописно жестикулируя, стоялъ въ автомобилѣ и говорилъ очень убѣдительно и очень понятно для черни: «Борцы за свободу лежатъ предъ нами убитые, мало, замученные ненавистниками свободы, палачами народа; они пали жертвами нѣмецкаго произвола. Товарищи! Мы будемъ недостойны этой свободы, если не отомстимъ за нихъ. Да, товарищи, за каждого убитого большевика — сто нѣмцевъ!» Раздались аплодисменты и возгласы: «правильно». Ковечко, это было во вкусъ «свободнаго народа». Результатомъ будутъ, несомнѣнно, новые аресты, новыя жестокости. Наконецъ, жертвы произвола были опущены въ общую могилу подъ звуки музыки и пѣнья на соборной площади, которая теперь переименована въ площадь коммунистовъ. Вскорѣ надъ могилой поднялся высокій холмъ изъ цвѣтовъ, вѣнковъ и лентъ съ самыми потрясающими надписями. Вечеромъ въ городѣ было большое гулянье. Улицы всѣ были запружены латышскими стрѣлками съ ихъ дамами въ экспропрированныхъ нарядахъ «съ чужого плеча». Такъ закончился этотъ славный день въ исторіи большевиковъ! . . .

14 Января

Утромъ получила записку отъ В. снизу — непременно придти сегодня вечеромъ къ нимъ, но такъ, чтобъ никто изъ «подозрительныхъ» 4-го этажа не видѣлъ. В. я тоже не видала съ той памятной ночи. Сейчасъ послѣ ужина я спустилась къ нимъ; они еще сидѣли за столомъ. Кромѣ нихъ и С. Н., сидѣлъ еще, я бы сказала, подозрительнаго вида субъектъ. Видя мое замѣшательство, В. всталъ мнѣ навстрѣчу и громко сказалъ: «баронесса, Вы можете свободно говорить обо всемъ, мы въ дружескомъ

кружкѣ». Ну, что касается меня, я бы охотно отказалась отъ дружбы съ этимъ типомъ. «Позвольте вамъ представить большевика О . . .» Н. сидѣла тоже нарядная и сіяющая, какъ въ добрыя старыя времена. — «Да, баронесса», весело поздоровалась она со мной, «мой мужъ тоже большевикъ, наконецъ-то кончились эти ужасные дни пытки, но вы вѣдь ничего не знаете! Э . . ., расскажи же все». Ея мужъ рассказалъ какъ послѣ восьми дней пытки по чужимъ холоднымъ чердакамъ и погребамъ, они наконецъ рѣшили съ С. Н. выйти на улицу, готовые на все, какъ случайно встрѣтили стараго петроградскаго пріятеля — офицера, какъ во всемъ ему признались и какъ чрезъ него «личнаго друга Штучки» В. получилъ мѣсто въ морскомъ министерствѣ съ жалованьемъ въ 1000 р. въ мѣснцъ, обезпечилъ квартиру отъ обысковъ и получаетъ продовольствіе на всю семью, надѣется и друга своего С. Н. туда пристроить. «Вы меня осуждаете, баронесса!» заключилъ онъ свой рассказъ. «Нѣтъ, я стараюсь вдуматься въ Васъ и думаю, что роль Ваша нелегкая будетъ, дай Богъ и сыграть ее благополучно до конца». — «Значить, Вы теперь «редиска», пошутила я. Они всѣ очень смѣялись моей шуткѣ. Съ этой минуты эта кличка за нимъ осталась. При прощаніи, однако, было рѣшено рѣже видѣться и незамѣтно отъ верхнихъ коммунистовъ.

16 Января

Послѣ двухнедѣльнаго исчезновенія сегодня въ первый разъ зашла ко мнѣ Д.; она была необыкновенно блѣдна и ротъ ея поддергивался, какъ у маленькаго ребенка, готоваго заплакать. Мы прошли въ комнату М.; тяжело опустившись въ кресло и устало положивъ голову на руки, она сказала: «Боже, съ чего начать, все такъ ужасно! Знаешь, сегодня скончался въ больницѣ отъ тифа мой двоюродный братъ Рольфъ.» Потомъ она рассказала, какъ узнавъ черезъ тюремнаго врача, что онъ въ тюрьмѣ и очень боленъ, — она выхлопотала съ большими трудностями у комиссара разрѣшеніе на его перевозъ въ больницу; въ какомъ ужасно жалкомъ положеніи она его нашла въ маленькой камерѣ, въ которой находились 20 заключенныхъ; не хватало коекъ, спали по двое, остальные ютились на мокромъ, грязномъ полу. Въ углу стояло ведро, отравляющее и безъ того уже тяжелый воздухъ камеры. Рольфъ лежалъ въ полубредовомъ состояніи, умоляя кого-то все время вырвать его изъ этого ада. Дэзи присѣла около него въ ожиданіи сторожей съ носилками, стараясь успокоить его видомъ полученнаго письменнаго разрѣшенія, но онъ уже неясно сознавалъ, что вокругъ него происходитъ. Въ это время въ камеру вмѣсто ожидаемыхъ сторожей, вошли четыре женщины латышки съ ружьями; «сколько васъ здѣсь», спросила первая вошедшая, еще совсѣмъ молодая дѣвушка въ огромной черной шляпѣ съ страусовыми перьями, модномъ, короткомъ бархатномъ костюмѣ и ажурныхъ чулкахъ. Было что-то непріятное въ ея довольно красивомъ лицѣ. Получивъ отвѣтъ, она съ усмѣшкой замѣтила: «Ну, пора очистить квартиру для новыхъ жильцовъ. А что же тотъ?» указала она ружьемъ на лежавшаго подъ шинелью Рольфа. Дэзи отвѣтила, что это очень больной. «Ну, тѣмъ лучше, намъ работы меньше». Она прошла дальше. «Кто на очереди?» И подойдя къ сидѣвшему на нарахъ, спросила: «Ваша фамилія З.?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, сдѣлала ему знакъ слѣдовать за ней. Были еще названы фамиліи; теперь вызвано было шесть человекъ, когда вдругъ она спросила: «За что Вы арестованы?» — «Не знаемъ». «Въ чемъ Васъ обвиняютъ?» — «Не знаемъ». «Впрочемъ, намъ это совершенно безразлично». Одинъ изъ вызванныхъ спросилъ, оставляетъ ли онъ навсегда эту камеру и долженъ ли взять свои вещи; у него оказалась еще пара сапогъ и смѣна бѣлья. «Лишній трудъ, и эти придется снять» — былъ жестокой отвѣтъ. Стало всѣмъ ясно, для какой цѣли ихъ уводили. Одинъ изъ вызванныхъ громко зарыдалъ: «сжальтесь, у меня жена и маленькія дѣти»; трясясь всѣмъ тѣломъ, онъ

опустился на нары, къ нему подошелъ стоявшій впереди, — это былъ знакомый пасторъ, я его только теперь узнала. Обнявъ плачущаго за плечи, онъ спокойно сказалъ: «идемъ, братъ, Всевышній знаетъ путь, по которому насъ ведетъ, если мы и не знаемъ его», и заботливо поддерживая его, повелъ за другими. Кто-то изъ присутствующихъ подаль рыдавшему его узелокъ; онъ только махнулъ рукой. Когда дверь за послѣднимъ закрывалась, я еще разъ услышала голосъ жестокой дѣвушки — «здѣсь немного, всего шесть». Затѣмъ въ камерѣ наступило глубокое молчаніе. Погодя, я спросила, не могу ли быть для ихъ чѣмъ-нибудь полезной. Большинство дали мнѣ письма къ роднымъ, писанныя на клочкахъ, одинъ мнѣ передалъ мнѣ свой манжетъ, сунувъ все это въ волоса подъ косынку, я обѣщала повидать ихъ близкихъ и передать все, о чемъ они просили меня. Наконецъ, вошли сторожа съ носилками и, уложивъ больного, мы покинули камеру. Сегодня Рольфъ, не приходя въ сознаніе, умеръ. Въ бреду все звалъ жену. Крупныя слезы текли по лицу Дэзи. «У насъ въ клиникѣ, погода начала она, вчера тоже трехъ больныхъ изъ кроватей вытащили и увезли. Судьба клиники на волоскѣ виситъ. Врачъ нашъ уже тоже недѣлю какъ арестованъ и едва-ли его освободятъ; какой-то бродяга, которому онъ въ 1905 г. отказалъ въ выдачѣ медицинскаго свидѣтельства, теперь, узнавъ его, обвиняетъ въ смерти своего брата, разстрѣляннаго будто бы по винѣ доктора. Обвиненіе голословное, но въ данный моментъ развѣ это играетъ какую-нибудь роль!» Было уже послѣ шести, когда Дэзи собралась уходить. Видя ея разстроенный видъ, я предложила ее проводить до клиники, чему она очень обрадовалась. Было очень холодно и добрая М. заставила меня одѣть полушубокъ ея племянника. Когда мы вышли, улицы были пусты и темны. Уже войдя въ ворота клиники, мы замѣтили необычайное волненіе среди стоявшей кучки служащихъ. «Случилось что-то?», спросила Дэзи старика швейцара, идущаго намъ навстрѣчу. «Сестрица еще не знаетъ? Сегодня нашего добраго доктора застрѣлили разбойники, не только его, и жену, и обоихъ мальчиковъ», старикъ заплакалъ. Дэзи прислонилась къ стѣнкѣ: «Что вы говорите?» «Да, пусть вамъ Калинъ расскажетъ, она была свидѣтельницей». Онъ поманилъ рукой стоящую среди служащихъ и рассказывавшую женщину. Она подошла къ намъ и рассказала, что была старшей сестрой съ письмомъ послана на квартиру доктора. Когда она подошла уже къ дому, къ подъѣзду подъѣхалъ автомобиль, въ которомъ сидѣлъ докторъ съ тремя вооруженными людьми. Затѣмъ, выйдя, они поднялись по парадной лѣстницѣ, а она черезъ дворъ поднялась на кухню, въ которой сначала никого не было, но потомъ пришла изъ комнатъ прислуга и сказала, что привезли доктора и что теперь идетъ обыскъ въ кабинетъ доктора; изъ письменнаго стола вытираютъ всѣ бумаги; сначала было все тихо въ квартирѣ, слышались голоса, нрѣдка взволнованный голосъ жены доктора, но вотъ голоса становились все громче и громче, поднялся шумъ. Чувя недоброе, она съ прислугой доктора спрятались въ корридорѣ за шкафомъ; оттуда онѣ видѣли, какъ вооруженные мужчины старались вытащить доктора въ переднюю, а жена его, крѣпко держась за его руку, не отпускала. Оба сына 13 и 17 лѣтъ слѣдовали за ними, стараясь успокоить мать. Обезумѣвшая отъ страха за мужа, женщина старалась оттолкнуть державшихъ мужа. Одинъ изъ нихъ замахнулся и ударилъ ее по лицу. Показалась кровь, тогда оба мальчика съ крикомъ бросились на оскорбителя своей матери. Здѣсь уже завязалась общая свалка. Раздался бѣшеный крикъ одвого изъ мужчинъ: «сейчасъ всѣхъ разстрѣлятъ и этихъ щенковъ». На шумъ съ улицы прибѣжали еще двое и всю несчастную семью потащили изъ квартиры. Свидѣтельница съ прислугой не успѣли спуститься по черной лѣстницѣ, какъ раздался душераздирающій крикъ жертвъ, слышались выстрѣлы и все затихло, затѣмъ раздался шумъ отъѣзжающаго автомобиля. Спустившись внизъ, онѣ увидѣли во дворѣ у порога

тѣла несчастныхъ мучениковъ. На женѣ доктора буквально ничего не осталось отъ платья. Ея младшій сынъ лежалъ ничкомъ около нея, обхвативъ мать крѣпко руками, всѣ четверо были мертвы. Дѣзи едва держалась на ногахъ, зубы ея стучали. Я съ швейцаромъ помогли ей подняться по лѣстницѣ. Съ помощью дежурной и совершенно разстроенной сестры, мы уложили ее въ постель. Я еще немного посидѣла около нея, пока она немощно успокоилась и съ тяжелой головой и сердцемъ пошла домой. И все это для блага народа!! . . .

18 Января

Изъ Митавы пригнали пѣщкомъ много арестованныхъ мужчинъ и дамъ, въ томъ числѣ мать и сестру моей belle soeur. Общими усилиями собрали въ городѣ бѣлья, платья и сѣстного, но, прождавъ на морозѣ передъ тюрьмой напрасно два часа, получили отвѣтъ, что ранѣе недѣли ничего приниматься для заключенныхъ не будетъ. Списокъ выдали. Большая часть была изъ нѣмецкаго дворянства, но было немного и латышей.

20 Января

Въ 6 часовъ утра бомбой къ намъ въ спальню влетѣла Юлія и выпалила, что въ домѣ уже опять идутъ обыски. Съ моей больной сдѣлалось дурно; причиной оказались четыре великолѣпныя серебряныя вазы, принесенныя вчера ея племянницей изъ сосѣдней квартиры и теперь находившіяся въ шкафу въ ея комнатѣ. Терять нельзя было ни минуты; положили ихъ въ простой мѣшокъ и засунули съ помощью кухарки Эммы въ кухнѣ въ мусорный ящикъ. Вскорѣ пять вооруженныхъ латышей явились къ намъ въ квартиру и начался обыскъ. Въ буфетѣ было еще оставлено кое-какое серебро, которое ими было взято. Смотрѣли всюду, въ шкафахъ, столахъ, но ничего особенно не перерывая; пробовали диваны и кресла. Такъ переходили они изъ комнаты въ комнату. Около моей кушетки-сокровишницы стояла прикрытая занавѣсью 30-фунтовая жестяная банка съ кофеемъ, они заглянули и подъ кушетку, но банки около не замѣтили. — Въ общемъ искали благодушно, хотя всѣ пятеро были латыши. Пока они дѣлали обыскъ у Штр., гдѣ забрали весь табакъ и сахаръ, я прошла въ кухню, чтобъ перенести драгоценный мѣшокъ въ комнату, но Эмма уже по собственному почину меня предупредила. Обыскъ кончился болѣе чѣмъ благополучно. М. напоила ихъ въ кухнѣ кофеемъ. Изъ запасовъ они взяли сравнительно тоже не такъ много. Только вино взяли все, оставивъ нѣсколько бутылокъ, по моей просьбѣ, старикамъ. Вино, повидимому, и табакъ ихъ особенно любезно настроили. Безъ всякаго сомнѣнія, что все это они націонализировали исключительно въ свою пользу. Итакъ мы разстались дружелюбно. Послѣ ихъ ухода, улучивъ удобный моментъ, я снесла двѣ вазы вина къ В . . . Но двѣ другія старушки хотѣли оставить у себя, ссылаясь на то, что обыскъ былъ и такъ хорошо сошелъ и что теперь намъ бояться ровно нечего. Я имъ не противорѣчила. Въ пятомъ часу зашла къ Д., она уже была на ногахъ и работала. Возвращаясь домой, я встрѣтила у насъ во дворѣ штатскаго, лицо котораго мнѣ показалось знакомымъ. Онъ скрылся въ другомъ подъѣздѣ нашего дома. Уже, поднимаясь по лѣстницѣ, я вспомнила, гдѣ я его видѣла; это былъ одинъ изъ пяти дѣлавшихъ у насъ утромъ обыскъ: Весь вечеръ я не могла отдѣлаться отъ непріятнаго чувства, произведеннаго этой встрѣчей. У больной сидѣли какъ разъ гости и, узнавъ, что у насъ уже былъ обыскъ и сошелъ благополучно, собирались намъ завтра прислать уйму вещей. Потомъ, прощаясь съ ними, я просила ихъ завтра еще ничего не присылать. Старушка моя удивленно на меня посмотрѣла, но ничего не сказала. Уже лежа въ постели, я все еще думала о непріятной встрѣчѣ.

Говню въ пять часовъ я проснулась, изкъ отъ электрическаго тока и въ тотъ же моментъ почти раздался рѣаній авонокъ въ кухнѣ. Накнуувъ халатъ, я вышла въ гостинную и въ дверяхъ передней столкнулась съ вчерашнимъ штатскимъ. Онъ былъ съ сопровожденіемъ двухъ другихъ съ ружьями. Тутъ же стояли всѣ три прислуги и швейцариха. Онъ сердитымъ голосомъ говорилъ имъ что-то по латышски, грозя рукой. Онѣ плакали. Увидѣвъ меня, онъ закричалъ ломаннымъ русскимъ языкомъ: «Гдѣ мѣшокъ съ серебромъ. Слышите! Мы вамъ покажемъ, какъ не слушаться нашихъ декретовъ, у насъ расправа съ измѣнниками короткая». Очевидно, былъ доносъ, но кто? Неужели, Эмма? «Если вы помогаете врагамъ народа», обратился онъ теперь на русскомъ языкѣ къ нимъ, то мы расправимся съ нами, какъ съ бѣшенными собаками.» Поднялся неимоверный ревъ. «Отвѣчайте! Сейчасъ былъ мѣшокъ съ серебромъ, одна изъ васъ его прятала, намъ все извѣстно, которая изъ васъ?» — «Я, — дрожащимъ голосомъ прошептала Эмма, баронесса... сестра, — поправилась она, приказала». «Слышите?» обратился онъ ко мнѣ; я молчала. «Ну, да что тутъ толковать, мы его сами найдемъ. Всѣ съ нами въ одну комнату и ни съ мѣста!» Въ кроватяхъ остались больная и неамѣченный Люша. Втроемъ они принялись за дѣло. Все выворачивалось и выбрасывалось изъ столовъ и шкафовъ. Каждая вещь пересматривалась. Плохо, подумала я, если доберутся до моей кушетки. На столѣ лежали въ корзинѣ клубки съ брилліантами, черезъ минуту они лежали въ углу, а столъ былъ опрокинутъ и тщательно осмотрѣвъ. Одинъ изъ нихъ открылъ центральное отопленіе и торжественно извлекъ обѣ серебряныя вазы и еще какія-то мелочи, спрятанныя М. Я все смотрѣла, когда очередь дойдетъ до большой жардиньерки, подъ которой мы укрѣпили большой серебрянный подносъ. Вотъ и до нея дошли, полетѣли горшки съ цвѣтами на полъ; большую палъму тоже опрокинули, искали въ землѣ, а «слона», то и не примѣтили. Въ столовой изъ стончихъ часовъ, изъ секретнаго отдѣленія вытащили мѣшокъ съ золотыми и серебрянными монетами, причемъ искавшій нашелъ сейчасъ секретную пружину, что было не такъ легко. Повертѣлъ мѣшкомъ передъ нашими носами, онъ алобно сказала: «погодите, мы вамъ покажемъ». Перешли въ комнату М. Люша, проснувшись, выскочилъ изъ кровати, которую они перерыли до оскованія. Ни одной книги не оставили не пересмотрѣнной. Съ ночного столика забрали золотыя часы и кольца. Очередь дошла до комнаты больной. Ея кровать была тоже осмотрѣна. Въ бѣльевомъ шкафу нашли еще немного серебра. Пока они добросовѣстно перерывали шкафы и комоды, я незамѣтно приблизилась къ кушеткѣ и отодвинула ее отъ стѣны, боясь, что они могли замѣтить ея неестественную тяжесть, а такъ они могли къ ней подойти со всѣхъ сторонъ. Вотъ и за ней очередь! Постель моя полетѣла на полъ. Одинъ сталъ ее пробовать, засунулъ руку въ складки, заглянулъ подъ нее и тутъ замѣтилъ около жестянку съ кофеемъ. Вниманіе его было отвлечено. Кушетка спасена!... Такъ проходили мы комнату за комнатой, пока не дошли до ванной, гдѣ изъ угла былъ наконецъ извлеченъ пустой мѣшокъ. Полное недоумѣніе! «А серебро? Гдѣ же вещи?» — «Вы ихъ нашли въ отопленіе и въ шкафу», спокойно отвѣтила я. «Они временно были мною положены въ мѣшокъ». — «Это тѣ вещи», обратился онъ къ Эммѣ. «Я не знаю, какія были вещи въ мѣшкѣ, говорили, что серебро». «Ну, трибуналь разбереть!» Обыскъ продолжался пять часовъ. Съ нашихъ мучителей потъ лилъ ручьемъ. Они сминутно вытирались чудесными платками, повидимому, тоже гдѣ-нибудь націонализированными. Обыскъ кончился. Свирѣпый большевикъ записалъ всѣ наши имена, приказавъ затѣмъ М. и всей прислугѣ слѣдовать за нимъ. Закрывъ за ними дверь, я вернулась въ комнату больной. Старушка лежала въ обморокѣ, а оба брата ее усердно поливали холодной

водой. Давъ ей понюхать нашатырнаго снирту, отъ чего она сейчасъ пришла въ себя, и перемѣнивъ бѣлье, и предложила заняться варкой кофе, такъ какъ былъ одиннадцатый часъ. — Всѣ они конечно страшно волновались, что найдено серебро, такъ какъ по декрету оно все должно было быть сдано. Уводъ М. и прислуги всѣхъ тоже очень безпокоилъ. «Чортъ знаетъ, что они еще тамъ отъ страху всего поразскажутъ», волновались братья. Я ихъ успокаивала, что обыскъ сравнительно отлично сошелъ, что могло выйти гораздо хуже, если бы они открыли секретъ моей кушетки, и что эти чудныя хрустальныя вазы съ серебромъ особенной цѣнности, съ точки зрѣнія серебра, не имѣютъ. Мало по малу всѣ немного успокоились и принялись мнѣ помогать при приготавливаніи завтрака. На Люшу обыскъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнія, онъ возмущенъ былъ, что всѣ его книги были на полу разбросаны. За кофеемъ всѣ были уже въ болѣе нормальномъ состояніи духа. Старички даже начали подсмѣиваться и острить одинъ на счетъ другого. С. увѣрялъ, что услышавъ голоса въ передней, Г. никакъ не могъ попасть ногами въ туфлю, а Г. увѣрялъ, что С. пытался безрезультатно натянуть на руки вмѣсто фуфайки свои брюки. Черезъ два часа наконецъ вернулась М. съ дѣвушками въ сопровожденіи какого-то довольно приличнаго на видъ господина, который вызвалъ меня и спросилъ, дѣйствительно ли мною было спрятано серебро, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, задалъ еще нѣсколько вопросовъ. Разногласій повидимому не было въ нашихъ отвѣтахъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что показанія сходятся. «Зачѣмъ вы скрыли серебро, сестра. Вы вѣдь знали о декретѣ?» — «Я это сдѣлала безъ корыстной цѣли, зная, что эти вещи дороги моей больной по воспоминаніямъ». Онъ покачалъ головой. «Хорошо, что вы попали на порядочнаго человѣка, а то могло кончиться для васъ очень скверно», и кивнувъ головой въ мою сторону, онъ вышелъ. Кого онъ предполагалъ подъ «порядочнымъ человѣкомъ» — себя, или производившаго обыскъ — осталось невыясненнымъ. Потомъ вся тайна второго обыска открылась: вечеромъ въ день перваго обыска зашла къ нашей прислугѣ дѣвушка изъ квартиры бар. В. (въ другомъ подъѣздѣ) — дѣвица очень красная. Эмма же съ дуру и разскажи ей, смѣясь, какъ она при обыскѣ «надула комиссара» и скрыла цѣлый мѣшокъ серебра. Въ тотъ же вечеръ комиссаръ былъ на вечерникѣ у красной дѣвицы почетнымъ гостемъ и главнымъ ухаживателемъ. Она и подшутила надъ нимъ, какъ «баронши» дурачатъ ихъ. Это уже являлось вопросомъ задѣятаго самолюбія. Отсюда и была такая ужасная злость.

26 Января

Газеты приносятъ вѣсти о бояхъ на фронтѣ большевиковъ, но съ кѣмъ? Слухи различны, кто говоритъ, что это германцы, идущіе противъ большевиковъ, по требованію Entente, другіе говорятъ, — это русская сѣверная армія, по третьимъ источникамъ, это шведы съ американцами. Изъ большевистскихъ газетъ мы знаемъ только, что «противникъ наступалъ большими силами, но былъ нашими доблестными стрѣлками отбитъ съ большимъ урономъ». Но слухи передавались изъ устъ въ уста, что наши насъ не забыли и дѣлаютъ все, чтобы насъ освободить. Всѣ эти дни сижу безвыходно дома и моя больная и я чувствуемъ себя скверно. Сегодня вышелъ декретъ о сдачѣ всѣхъ арм. пассивовъ. Это очень непріятная вещь для тѣхъ, кто носитъ скомпрометированную фамилію у большевиковъ. Нашъ симпатичный шведъ-массажистъ далъ мнѣ хорошую мысль, если она осуществима безъ бумагъ, а именно — записаться въ союзъ сестеръ милосердія Кр. Кр. Такимъ образомъ, у меня будетъ латышскій документъ, гдѣ придется, конечно, фамилію перевернуть; но на основаніи чего они мнѣ его выдадутъ? «Попытка — не пытка», говоритъ пословица, завтра попытаю счастья.

27 Января

Ровно въ 9 часовъ я была уже въ канцеляріи союза сестеръ милосердія, гдѣ прождала до 10-ти, пока заявился комиссаръ съ своей секретаршей — несимпатичной латышской дѣвицей въ красной шелковой блузѣ. Во время ожиданія и обдумала планъ дѣйствія: мой паспортъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предьявленъ — значитъ, утерянъ. Секретарша встрѣтила меня нелюбезно и послѣ первыхъ же словъ заявила, что безъ бумагъ она ничего для меня сдѣлать не можетъ. Я не дала себѣ обезкуражить и продолжала описывать въ самыхъ мрачныхъ краскахъ свое положеніе, какъ русской въ чужомъ городѣ безъ средствъ съ ребенкомъ. «Вы развѣ не здѣшнини?» Я ухватилась за этотъ вопросъ и стала подробно ей рассказывать, откуда я и гдѣ работала, конечно, все изъ области фантазіи. Я и не предполагала, что умѣю такъ легко лгать. Она, повидимому, смгчалась. «Но какъ же я Васъ запишу въ союзъ сестеръ Кр. Кр., не имѣя бумагъ о томъ, что Вы дѣйствительно сестра милосердія. Я сейчасъ же вытацила два докторскихъ удостовѣренія, выданныя мнѣ знакомыми докторами и помѣченныя заднимъ числомъ, что я дѣйствительно сестра Кр. Кр. военнаго времени. — «Какъ ваша фамилія?» — «Фрейтагъ», отвѣтила я. Послѣ нѣкотораго размышленія она сказала, что какъ исключеніе дѣлаетъ это, въ виду моего тяжелаго матеріальнаго положенія. Люша былъ тоже вписанъ въ этотъ историческій документъ, который впоследствии оказалъ мнѣ огромныя услуги. По ея совѣту я отправилась прямо съ этимъ документомъ въ милицію, гдѣ онъ былъ «товарищемъ» прописанъ и была приложена печать. Выйдя отъ секретарши столкнулась за дверью съ безконечнымъ хвостомъ въ нѣсколько рядомъ тянущимся внизъ по лѣстницѣ далеко на улицу. Всѣ торопились записаться въ какой нибудь союзъ, чтобы получить продовольственныя карточки, такъ какъ послѣднія выдавались только членамъ союзовъ. Довольная результатомъ, я съ облегченнымъ сердцемъ отправилась домой . . .

28 Января

Всѣ магазины и лавки націонализированы и буквально ничего купить нигдѣ нельзя. Голодъ въ городѣ даетъ себя уже тоже сильно знать. Съ рынка все исчезло . . .

29 Января

Запасы и у насъ тощуютъ, особенно они уменьшились послѣ второго обыска. Сегодня въ первый разъ ѣли «кригаупце». Хозяйки рѣшили только обѣдъ готовить дома, а къ ужину подогрѣвать эту самую «кригзуупце», но во всякомъ случаѣ, мы лично еще не знаемъ, что такое голодъ; сталкиваться же съ нимъ приходится на каждомъ шагу. Поминутно звонятъ изголодавшіеся люди, особенно ужасенъ видъ этихъ робкихъ исхудалыхъ блѣдныхъ дѣтскихъ личекъ съ полными слезъ глазами, умоляющихъ о «корочкѣ хлѣба». —

4 Февраля

Сегодня прибыло много военныхъ частей изъ Россіи, но видъ людей уже совсѣмъ другой: плохо одѣтые, вялые и хмурые, они дѣлали впечатлѣніе людей, пдущихъ не по своей волѣ.

5 Февраля

Въ нашемъ домѣ, только въ другомъ подъѣздѣ, жильцы выселяются почти изъ всѣхъ квартиръ.

8 Февраля

Сегодня былъ произведенъ неожиданный обыскъ у нашей швейцарихи, повидимому, заподозрѣнной въ укрывательствѣ вещей одного изъ выселенныхъ квартирантовъ. Вещей не нашли, но открыли съѣстныхъ припасовъ «сверхъ нормы» и, какъ

бѣдная женщина ни старалась имъ объяснить, что ей иногда привозить изъ деревни ея зять, знающій ея тяжелое положеніе въ городѣ съ большой семьей, они все забрали и увели еще ея 17-лѣтняго сына-реалиста. Отчаянію этой бѣдной матери не было границъ. Она бросалась на колѣни, цѣловала ихъ руки, умоляя все взять, только оставить ей ея сына, «вѣдь онъ же ничего дурного не сдѣлалъ», повторяла она. «Тамъ разберутъ, знаемъ мы васъ, продажное племя, и души свои нѣмцамъ продали» — былъ на все одинъ отвѣтъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, я все думала, какимъ бы образомъ помочь этимъ бѣднымъ людямъ. Попросить «редиску» похлопотать за мальчика. Я успѣла только открыть дверь въ квартиру, какъ изъ нашей гостиной ко мнѣ выбѣжала взволнованная В. . . «Какой ужасъ, баронесса . . . Сегодня на улицѣ забрали С. Н. съ другими мужчинами и дамами на принудительныя работы и этотъ легкомысленный человекъ вздумалъ среди бѣла дня бѣжать, спрятавшись въ сосѣднемъ дворѣ гдѣ-то за дровами. Замѣтившая его женщина выдала; несчастнаго всю дорогу били прикладами, изорвали на немъ все платье. Какъ разъ въ это время по улицѣ проходила его жена съ сыномъ. Мальчикъ узналъ отца и закричалъ на всю улицу: «мамочка, смотри, папочку бьютъ». Они попытались пойти за ними, но сопровождавшій солдатъ пригрозилъ, что будетъ стрѣлять, такъ что они и не знаютъ, куда его увелъ. Я спросила, не можетъ ли ея мужъ помочь, прибавивъ свою просьбу относительно сына швейцарихи. Она только покачала головой, едва ли это возможно будетъ! Уже поздно вечеромъ В. узналъ коспенными пунтами, что С. Н. арестованъ и сидитъ по Елисаветинской 17 въ зданіи политическаго сыска. Лично В. ничего предпринять не можетъ, не возбудивъ подозрѣнія у «товарищей». Рѣшено было, что я въ качествѣ сестры милосердія пойду туда и скажу, что, узнавъ о его бѣгствѣ и арестѣ, считала своимъ долгомъ придти и сообщить, что С. Н. уже и раньше иногда обнаруживалъ время отъ времени признаки ненормальности и, что вѣрнѣе всего, что его страшная нервность и была причиной его бѣгства. Повредить это не могло, а пользу, можетъ быть, какою-нибудь и принесетъ. —

9 Февраля

Утромъ отправилась въ домъ № 17. Картина, представившаяся моимъ глазамъ, была несовсѣмъ обыденная. Въ большомъ помѣщеніи съ большими столами и шкафами вдоль стѣнъ находились человекъ пятнадцать молодыхъ женщинъ. Онѣ были въ самыхъ разнообразныхъ нарядахъ, отъ солдатской шинели до вырѣзанныхъ шелковыхъ платьевъ съ ажурными чулками. Очевидно, это было время отдыха: большая часть сплѣла на столахъ, за недостаткомъ стульевъ, и ѣла. На столѣ стояло блюдо съ жаренымъ мясомъ, черный и бѣлый хлѣбъ лежалъ пирамидой рядомъ. Когда я вошла, одна замѣтила, что теперь у нихъ перерывъ и выразила удивленіе, что патруль пропустилъ: я извинилась и уже намѣревалась выйти, когда другая, огромнаго роста дѣвица въ синемъ шелковомъ открытомъ платьѣ съ безконечной коралловой цѣпочкой на шеѣ, спросила: «А что вамъ нужно, сестра?» Спросивъ, находится ли С. Н. здѣсь, я передала ей все, какъ было вчера рѣшено. «Комиссара сейчасъ нѣтъ, я ему скажу, когда онъ придетъ, но вѣдь это извѣстно, что у всѣхъ этихъ господъ нервы сдаютъ, когда дѣло доходитъ до отвѣта» . . . «Къ этому не привыкать намъ», вмѣшалась другая, «для всѣхъ есть у насъ одно хорошее средство». — «Я только хотѣла предупредить, что это больной человекъ», перебила я ее. Онѣ молчали. Я вышла . . .

12 Февраля

Встрѣтила м-мъ Н., она мнѣ сообщила, что у нихъ на квартирѣ былъ обыскъ и что всѣ бумаги забраны. Все это едва ли обѣщаетъ хорошее. Бѣдная женщина!

13 Февраля

Несчастливая швейцариха слегла; сына посадили въ тюрьму; сегодня зашла къ ней, она со слезами жаловалась на возмутительное поведеніе коммунистовъ по отношенію къ ея 15-лѣтней дочери, исполнявшей теперь ея обязанности.

16 Февраля

Два сосѣднихъ дома очистили отъ квартирантовъ, всѣхъ выселили къ Красной Движѣ въ холодные бараки.

18 Февраля

Уже больше недѣли, какъ жители Риги не видѣли хлѣба, — все отправляется на фронтъ, цѣлые вагоны муки, крупы и мяса увозятся изъ города. — Нужда въ городѣ сильно растеть. Смертность большая, особенно дѣтей и стариковъ. Мы имѣемъ еще порядочный запасъ муки. Оконныя подушки у насъ всѣ набиты мукой вмѣсто песку; одинъ двадцати-фунтовый мѣшокъ въ пестромъ шелковомъ чехлѣ покоится на диванѣ вмѣсто подушки.

19 Февраля

Декретъ о сдачѣ бѣлья и вещей, кромѣ необходимыхъ двухъ смѣнъ. У насъ опять волненіе среди стариковъ. Что дѣлать? Конечно, ждать пока сами придутъ, было мое мнѣніе, но рѣшили иначе. Собрали кое-что пзъ бѣлья, платья и обуви и М. торжественно съ Эммой отвезли по адресу. «Гражданокъ» даже поблагодарили, но я думаю, что этимъ мы едва-ли отдѣлаемся . . .

20 Февраля

Торжественныя похороны утопленнаго въ лужѣ Рѣжицкими мужиками коммуниста. Громкая надпись золотыми буквами на черной лентѣ гласить: «погибшему славною смертью борцу за свободу и пр.» Славная смерть, нечего сказать!

21 Февраля

Неожиданная встрѣча на улицѣ съ институтской подругой Н. Ф. Уговорила зайти къ ней поблизости. Боже, въ какомъ все видѣ! Живетъ она въ темной комнаткѣ, у какой-то мегеры; занимается шитьемъ, на дверяхъ надпись «М-мъ Натали-портниха». Она мнѣ рассказала, какъ она бѣжала изъ Петрограда, какъ въ Ригѣ она сравнительно хорошо устроилась компаньонкой у своей родственницы; какъ съ приходомъ большевиновъ мужъ родственницы съ дѣтьми уѣхалъ за-границу, а она осталась съ женою въ городѣ; какъ потомъ арестовали родственницу и она, Наташа, осталась на улицѣ безъ средствъ, почти безъ вещей и вотъ теперь перебивается со дня на день грошевою работою. «Ты знаешь, я еще ничего съ утра не имѣла во рту, подожди, будемъ пить кофе», и она вышла. Невеселыя мысли зароплись въ моемъ воображеніи: Вотъ она нищета и голодъ, а кто поручится, что въ одинъ прекрасный день ты съ Люшей не очутишься въ такомъ же положеніи. Какая ужасная мысль! Отъ одной мысли дѣлается уже холодно. Вошла Наташа, неся на подносѣ два стакана какой-то мутной жидкости и тарелку, на которой лежали черные кусочки чего-то, оказавшейся кофейной гущей съ прибавкой овсяной муки и соли, подсушенной на огнѣ. Это она ѣла вмѣсто хлѣба. Въ пальто у меня лежала маленькая булочка для больной швейцарихи; я ее подала Наташѣ: «Но я съѣмъ твой завтракъ», протестовала она. Я послѣдила ее увѣрить, что уже завтракала. Сговорившись, что она завтра къ намъ придетъ, мы разстались . . .

22 Февраля

Ниночка запиской сообщила, что Н. перевели въ центральную и повидимому дѣло его скверно, если не поможетъ какая-нибудь счастливая случайность. Къ обѣду пришла Наташа. Добрая М. накладывала ей двойныя порціи на тарелку. Дѣйстви-

тельно, сегодня я замѣтила, какъ страшно она измѣнилась. Остались кости и кожа; страдаетъ еще всевозможными недугами, но духъ поразительно бодръ. Она рассказала намъ, что она слышала отъ одного большевика, которому подарила экспропрированную ею въ чужой квартирѣ лампу, о томъ, что дѣла нашихъ далеко не такъ плохи: Либава до сихъ поръ въ вѣмецкихъ рукахъ и наши медленно, но упорно подвигаются впередъ. Въ красной арміи много дезертировъ и вообще солдаты, не латыши, идутъ неохотно и только благодаря страшному террору, примѣняемому большевиками въ войскахъ. Мы выпили даже за здоровье Наташинаго большевика за эти вѣсти! . . .

24 Февраля

Отправились съ Д. и Н. въ центральную тюрьму съ вещами и ѣдой. Долго пришлось ждать, пока наконецъ вышелъ сторожа и по очереди стали принимать вещи. Сейчасъ и наша очередь; сторожъ подошелъ къ стоявшей передъ нами молоденькой дѣвушкѣ; «кому», былъ его вопросъ; она назвала фамилію. «Его уже нѣтъ». «Какъ нѣтъ, вѣдь отца еще не вызывали въ трибуналь». — «Не знаю; можетъ быть, перевели», онъ отвѣчалъ неохотно, избѣгая смотрѣть въ лицо. Дѣвушка заплакала. «Скажите, вѣдь его не убили?» — «Говорю, не знаю; сходите къ тюремному комиссару, можетъ, узнаете», посоветовалъ онъ ей и обратился къ намъ. Наши вещи были приняты; и этому радуешься . . .

25 Февраля

Попавшійся на улицѣ В. мнѣ рассказалъ, что несчастный Н. обнаруживаетъ въ тюрьмѣ признаки сумасшествія. Очевидно, что все случившееся съ нимъ въ тотъ ужасный день имѣло для него роковое послѣдствіе.

26 Февраля

Боже, еще драма! Арестовали нашего милого старика сапожника, живущаго съ женою визави насъ въ подвальномъ помещеніи, — нашли у него золотой портсигаръ, данный ему однимъ изъ давнишнихъ кліентовъ на сбереженіе или для продажи — неизвѣстно. Старикъ былъ возмущенъ и всю дорогу, говорятъ, ругалъ своихъ мучителей, которые, не доставивъ его въ тюрьму, по дорогѣ застрѣлили. Несчастливая старушка долго не получала разрѣшенія его хоронить; на покупку гроба разрѣшенія не получила, похоронивъ его завернутымъ въ простыню.

4 Марта

Я и сейчасъ еще не могу придти въ себя отъ всего видѣннаго мною сегодня. Когда я возвращалась домой вдоль Schützengarten'a, то я встрѣтила со стороны Вейдендамма толпу дѣтей и женщинъ подъ конвоемъ, направляющуюся въ сторону къ Двинѣ. Взрослыхъ было сравнительно не такъ много, все больше дѣти различныхъ возрастовъ. Старшіе вели младшихъ за руку; но что въ этой толпѣ дѣтей поражало, это безпримѣрное спокойствіе этихъ маленькихъ арестованныхъ. Старшіе шли съ серьезными сосредоточенными лицами, изрѣдка наклоняясь къ младшимъ, чтобъ отвѣтить на заданный вопросъ или подбодрить утомившагося малыша. На улицѣ всѣ были возмущены видомъ этого потрясающаго зрѣлища. Червь выражала громко свой протестъ. Слышались возгласы: поскорѣй бы уже пришли «они», а то житья нѣтъ отъ этихъ проклятыхъ, только народъ морять! Невольно вспомнилась мнѣ другая картина, съ какимъ восторгомъ тогда этотъ самый народъ встрѣчалъ вступленіе въ городъ большевиковъ! Да, картина совершенно измѣнилась; теперь ихъ встрѣчаютъ молча и провожаютъ глазами полными ненависти и затаенной злобы. — Не оправдали себя большевики, даже въ глазахъ черви . . . Когда толпа арестованныхъ дѣтей заворачивала за уголь сада, передо мной на одну минуту мелькнула сестринская бѣлая колыбка и знакомая фигура. — Дѣзи! но вѣтъ, какимъ образомъ могла она попасть въ

эту толпу?! Но разъ зародившаяся мысль не давала мнѣ больше покою и я быстро направилась въ клинику, чтобы лично убѣдиться, что она тамъ. Въ клиникѣ ничего не могли сказать, кромѣ того, что Д. ушла по порученію одной больной и еще не возвращалась. Послѣ обѣда, когда я собиралась опять пойти въ клинику, раздались звонокъ и въ столовую вошла сама Дзап. Она рассказала намъ обо всемъ случившемся. Утромъ она, по порученію больной, пошла къ ней на квартиру, чтобы привести дѣтей къ матери, которую день передъ этимъ оперировали. Не заставъ бабушки дѣтей, она съ помощью боины одѣла ихъ и, выйдя съ ними на лѣстницу, столкнулась съ солдатами, которые приказали ей остановиться и ждать, въ виду того, что въ домѣ идутъ обыски и аресты. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій она присѣла съ дѣтьми на ступенькахъ, приблизительно черезъ полчаса показались изъ всѣхъ квартиръ женщины и дѣти въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ. Вся процессія двинулась по лѣстницѣ внизъ; имъ было тоже приказано слѣдовать за другими. Во дворѣ стояла уже толпа арестованныхъ, готовая къ отводу, къ ней присоединились и она. Раздалась команда и толпа двинулась впередъ. Ей ничего не оставалось, какъ взять малышей за руки и слѣдовать за другими. Дорогой она спросила рядомъ съ ней идущаго солдата, куда ихъ ведутъ. «Не знаю, сестрица, должно быть въ тюрьму». — «За что же?» — «А кто ихъ знаетъ, намъ неизвѣстно». Дзап стала ему рассказывать, какъ она попала, и что мать дѣтей лежитъ послѣ операціи и ждетъ ихъ теперь къ себѣ. . . . Солдатъ хмуро молчалъ. Когда подходили къ зданію тюрьмы, открылись ворота и арестованныхъ повели внутрь. Солдатъ вдругъ нагнулся къ ней и шепнулъ: «уходи, сестрица, съ дѣтьми». Сначала она хотѣла слѣдовать за другими, но мысль объ ожидающей своихъ дѣтей больной измѣнили ея первое чувство и она скользнула съ дѣтьми въ сторону. Сегодняшній арестъ дѣтей былъ будто бы отвѣтомъ большевиковъ на присланную будто-то телеграмму нѣмцевъ о томъ, что они будутъ безпощадны къ семьямъ большевиковъ. Каждому, конечно, было ясно, что это было провокація со стороны большевиковъ, предлогъ для новыхъ звѣрствъ! Изъ одной уже только боязни за своихъ близкихъ въ Ригѣ не прислали бы они такой вызывающей телеграммы.

5 Марта

Повидимому, происходитъ нѣчто серьезное на фронтѣ. Большевики проявляютъ большую дѣятельность въ городѣ. Вышелъ строгій приказъ позже шести не показываться на улицѣ. Часть арестованныхъ эвакуирована въ Двинскъ. Цѣлые обозы съ вещами ограбленныхъ и опустошенныхъ квартиръ тянутся по направленію къ товарной ставціи.

9 Марта

Ночью слышна была канонада; гдѣ бы это могло быть? Я встала, открыла окно и, присѣвъ на подоконникъ, съ удовольствіемъ вдыхала свѣжій морозный воздухъ ночи, прислушиваясь къ отдаленнымъ выстрѣламъ. Отъ времени до времени слышенъ шумъ несущагося по улицѣ автомобиля-грузовика; тамъ дальше свистъ локомотива и шумъ поѣздовъ. Въ морозномъ воздухѣ каждый звукъ отчетливо слышенъ. Сегодня, повидимому, дѣятельная ночь у большевиковъ, — это всегда въ связи съ событіями на фронтѣ — и критическій моментъ для жителей Риги.

10 Марта

Моя больная уже немного встаетъ. Скоро моя задача будетъ оконченной здѣсь. Эти дни пушечная стрѣльба почти непрерывна; особенно хорошо слышна подь утро. Въ городѣ тоже царитъ большое оживленіе. Прибываютъ все свѣжія части. Я видѣла, какъ они шли съ вокзала. Публика все довольно разношерстная. Вечеромъ Д. зашла сообщить, что ихъ клиника взята подь красноармейскій лазаретъ. Всѣхъ

больныхъ выселили; привезено много раненыхъ съ фронта. Д. оставила тоже клинику, хочетъ недѣлю отдохнуть. Рижскіе дома пустѣютъ не по днямъ, а по часамъ; все, что возможно, увозится изъ города.

12 Марта

Мои старички просятъ меня, если я и найду работу гдѣ-нибудь въ клиникѣ, остаться съ Люшей жить у нихъ; я имъ сердечно за это благодарна. Мы такъ сжились хорошо вмѣстѣ. Съ 15 начну принскивать себѣ занятія, будетъ это вѣрно нелегко при теперешнихъ обстоятельствахъ.

15 Марта

Изъ Митавы безпрестанно прибываютъ поѣзда. Привезено опять много арестованныхъ и раненыхъ. Очевидно, Митавѣ грозитъ какая-то «невѣдомая сила»! . . .

16 Марта

Съ двухъ часовъ ночи прислушиваемся къ необыкновенному оживленію на улицѣ. Поминутно несутся моторы съ солдатами и грузомъ, тянутся безконечные обозы съ фуражемъ. Сегодня начались опять въ городѣ массовые аресты. Нѣтъ сомнѣнія, «невѣдомая сила» приближается. Въ газетахъ ничего нѣтъ, еще меньше, чѣмъ обыкновенно. Просто иногда отчаяніе беретъ. Сегодня была въ двухъ частныхъ клиникахъ — вездѣ сестеръ сверхъ комплекта! . . .

17 Марта

Въ городѣ ходятъ смутные слухи о взятіи Митавы; мнѣ кажется, что это правда. Въ этихъ случаяхъ улица лучшей барометръ, а она эти послѣдніе дни какая-то необыкновенно нервная и суетливая — признакъ неувѣренности. Сейчасъ заходила м-мъ С. и сообщила, что ходятъ слухи, что въ тюрьмахъ производятся массовые разстрѣлы заключенныхъ. Она сама сейчасъ видѣла, какъ изъ воротъ тюрьмы выѣхалъ грузовикъ съ заключенными и вооруженными жейщинами и быстро понесся по направленію Кайзервальда. Она, бѣдняга, страшно волнуется за своего мужа. Помогите намъ Богъ! . . .

18 Марта

Въ газетахъ ничего о взятіи Митавы, какъ будто и все благополучно, опять безконечные столбцы декретовъ! Но одинъ довольно подозрительный — объ очисткѣ домовъ отъ квартирантовъ. По улицамъ Александровской, Марининской, Суворовской и Елисаветинской до 22 номера, т.-е. какъ разъ до нашего дома. Не готовятъ ли себѣ большевики отступленія. Всѣ улицы по одному направленію! Въ остальномъ, все по старому! Дѣзи въ отчаяніи, получила отъ санитарнаго отдѣла бумагу о явкѣ, предполагается мобилизація сестеръ на фронтъ.

19 Марта

Слухи о взятіи Митавы подтверждаются безбожной расправой большевиковъ съ заключенными. Въ третьемъ часу зашла ко мнѣ Дѣзи, прося меня пойти съ нею въ тюрьму, она узнала, что братъ Рольфъ привезенъ изъ Митавы и она надѣется, что, можетъ быть, ей удастся черезъ ей уже знакомаго комиссара что-нибудь для него сдѣлать . . . Надежда у нея, конечно, небольшая, — мы отправились. У воротъ тюрьмы стояла уже громадная толпа родственниковъ и близкихъ, жаждущихъ узнать что-нибудь о судьбѣ своихъ дорогихъ заключенныхъ. Здѣсь были всѣхъ классовъ общества люди, мужчины и женщины. Въ своемъ ужасномъ одномъ общемъ несчастіи они представляли какъ бы одно цѣлое, одну душу. Мы съ Д. направились къ тюремному комиссару, но вмѣсто прежняго здѣсь сидѣлъ незнакомый. Д. робко спросила, не можетъ ли она видѣть комиссара Краузе. Его мрачный замѣститель подозрительно посмотрѣлъ изъ подлѣбья на насъ и, молча открывъ дверь, крикнулъ въ комнату

рядомъ: «товарищъ Краузе, здѣсь почему-то предпочитаютъ къ вамъ лично обратиться». — «По какому дѣлу?» и онъ появился въ дверяхъ сосѣдней комнаты. Увидѣвъ насъ, онъ холодно замѣтилъ, что его замѣститель налицо. Д. сконфуженно извинилась, объяснивъ, что думала, что нужно къ нему лично обратиться. «Совершенно одинаково», и онъ исчезъ за дверью. «Въ чемъ же дѣло», спросилъ сидѣвшій за столомъ, не переставая писать. Д. отвѣтила, что желала бы получить справку о своемъ родственникѣ. «Сегодня никакихъ справокъ не выдается, въ виду различныхъ непредвидѣнныхъ переменъ», отчеканилъ сидѣвшій. Мы вышли на улицу; какъ разъ въ это время къ тюрьмѣ приближалась телѣга, на ней груда лопатъ, вслѣдъ за ней слѣдовали женщины съ ружьями. Что бы это могло значить? Всѣми нами овладѣло какое-то недоброе предчувствіе. Ворота, какъ по волшебству, открылись, и ужасная телѣга съ ея грузомъ и мрачнымъ эскортомъ исчезла изъ глазъ. Я обернулась въ сторону Д., но ея не было около меня, она исчезла, какъ сквозь землю. Пока я стояла, думая, что предпринять, она вдругъ такъ же неожиданно появилась въ открывшихся на минуту воротахъ тюрьмы. Косынка ея была на боку, а правый рукавъ пальто былъ вырванъ и висѣлъ. Переведя духъ, она сказала. «Ты видѣла этотъ ужасъ! Сейчасъ ихъ всѣхъ разстрѣляютъ. Я видѣла Нагто, онъ стоялъ внизу у окна, съ нимъ были другіе, всѣ страшно блѣдые. Онъ меня узналъ, вскочилъ на подоконникъ и крикнулъ въ форточку что-то — мнѣ показалось: «молитесь за насъ» и еще что-то. Я подбѣжала ближе, но эти ужасныя женщины-звѣри уже схватили и потащили меня къ воротамъ. Подумай, они уже знаютъ, что ихъ ждетъ». Въ толпѣ слышались рыданья, это была невыносимая картина человѣческихъ страданій, горя и отчаянія . . . Къ намъ подошли солдаты, приказавъ намъ немедленно разойтись. Съ какимъ ужасомъ въ душѣ ушелъ каждый! . . .

20 Марта

Всю ночь не сомкнули глазъ. Слухи о массовыхъ разстрѣлахъ подтверждаются разказами очевидцевъ. Изъ солдатъ большинство отказалось стрѣлять. Эту «священную обязанность» приняли на себя женщины-латышки. Я думаю, это единственный примѣръ въ исторіи міра. Сегодня и нашъ часъ пробилъ! Въ два часа появился къ намъ мрачнаго вида субъектъ, по его словамъ, военный комиссаръ, съ требованіемъ, чтобы квартира нами была оставлена завтра до часу, въ виду того, что у насъ нѣтъ ордера на проживаніе въ ней. На вопросъ старушки-баронессы, нельзя ли получить такое разрѣшеніе, въ виду ея и обоихъ стариковъ болѣзненнаго состоянія, онъ коротко отвѣтилъ: «пробуйте». Старушки мои были уже опять готовы повѣрить, что это возможно и все устроится, и мнѣ большихъ трудовъ стоило ихъ уговорить, хотя бы серебро изъ кушетки убрать сегодня куда-нибудь изъ квартиры. Я была увѣрена, что, какъ и вездѣ раньше, утромъ рано явятся агенты и не разрѣшатъ ничего взять, даже изъ самаго необходимаго. Старичковъ уговорила тоже сегодня же отослать свои вещи къ родственнику, чтобы завтра не остаться безъ всего. Они всѣ такъ и сдѣлали. Вечеромъ мы съ М. выбрали все серебро и съ помощью племянницы вынесли изъ квартиры въ болѣе безопасныя мѣста. Уже поздно вечеромъ уложила я свои и Люши вещи и Берта снесла ихъ въ подвалъ, откуда ихъ во всякомъ случаѣ будетъ легче взять. Старушки тоже послѣдовали моему совѣту. Туда же были снесены и съѣстные припасы.

21 Марта

Утромъ пошли съ М. за разрѣшеніемъ и, конечно, не получили; намъ всѣмъ отвели двѣ небольшія комнаты съ двумя кроватями гдѣ-то у черта на рогахъ. Я тогда предъявила свой «историческій документъ», ссылаясь на то, что вся моя работа въ этомъ районѣ, на основаніи чего, получила разрѣшеніе на одну комнату въ районѣ, гдѣ до

сихъ поръ проживала. Кромѣ того, получила разрѣшеніе на перевозъ вещей «въ установленной нормѣ». Мы вернулись домой довольно удрученныя. Такого результата мои старички не ожидали. Съ забѣжавшей къ намъ Н. пошли сейчасъ по частнымъ клиникамъ и въ одной еще нашли свободную комнату, куда я и перевезла сейчасъ свою бывшую больную. М. съ обоими старичками отправились въ отведенныя имъ двѣ комнаты на Матвѣевской улицѣ. Прислуга размѣстилась по знакомымъ, а я, взявъ Люшу за руку, отправилась искать себѣ пріютъ. Это, какъ потомъ оказалось, — было нелегко. Узнавъ, что мы выселены, люди боялись принять насъ къ себѣ. Такъ прошли мы дюжины двѣ квартиръ, получая вездѣ одинъ отвѣтъ: «мы бы съ радостью, но . . .» Уставшіе и голодные возвращались мы къ Д., когда намъ навстрѣчу попалась опять Наташа и, узнавъ въ чемъ дѣло, предложила сейчасъ сходить къ своей петроградской знакомой, у которой еще, кажется, имѣется свободная комната. Д. мы не застали дома, но Саша былъ трогателенъ, онъ принесъ намъ горячаго кофе съ хлѣбомъ и предложилъ отъ Дзѣинаго имени побыть у нихъ, пока найдемъ себѣ пріютъ. Разказалъ, съ какимъ трудомъ удалось Д. отдѣлаться отъ мобилизаціи, получивъ черезъ посредство одной сестры мѣсто въ больницѣ, гдѣ она и работаетъ уже третій день. Вскорѣ пришла Наташа съ доброю вѣстью и мы, не тратя времени, съ помощью дворника и телѣжки, перевезли свои вещи. Комната оказалась съ отдѣльнымъ ходомъ на лѣстницу, уютная, съ двумя кроватями, а сама хозяйка отличнымъ человѣкомъ. — Ну, вотъ покой и у пристани! Уже поздно вечеромъ кто-то постучалъ къ намъ въ дверь. Это была бар. М., пропустившая послѣдній трамъ, и, боясь идти пѣшкомъ въ отдаленную и глухую часть города, она пришла къ намъ переночевать. Милая М. принесла намъ еще булку, хлѣба и крупъ, это было кстати, такъ какъ у насъ, кромѣ карточекъ яа «кригзуппе», ничего не было. Да, вопросъ питанія меня удручаетъ. Купить ничего нельзя, или цѣны такія, что голова кругомъ идетъ. Весь мой запасъ 1000 р., но при этихъ цѣнахъ, это капля въ морѣ . . .

23 Марта

Была въ трехъ клиникахъ, ничего нѣтъ. Наташа тоже съ своей стороны бѣгаетъ, узнаетъ. Сегодня съ ней были у ея хорошаго стараго знакомаго доктора, присланнаго въ Ригу совѣтскими властями открыть на взморьѣ санаторію. Онъ принялъ насъ очень любезно, обѣщалъ устроить, но услышавъ мою фамилію, поторопился взять всѣ свои обѣщанія обратно. На всѣ увѣренія Наташи, что у меня есть латышскій документъ, онъ отвѣчалъ: «поймите же, что могутъ случайно узнать, мое положеніе, какъ прежняго монархиста, и безъ того очень неприятное». И эта надежда разсѣялась дымомъ! Унылыя мы вернулись домой. Сегодня въ первый разъ почувствовала невыносимую боль въ груди, принуждена была даже прилечь. Хорошая Н. принесла мнѣ грѣлку, отъ которой стало лучше.

27 Марта

Положительно теряю голову чѣмъ кормить Люшу. Хлѣбъ, который достается съ большимъ трудомъ, стоитъ 25 р. фунтъ, масло 65 р. фунтъ, крупа 25 р. фунтъ, картофель 4 р. фунтъ. Сегодня съ большимъ трудомъ достала четыре фунта хлѣба по 25 р., десять фунтовъ овсяной горькой муки по 10 рублей и растительнаго масла 30 р. за фунтъ, итого 230 р.

29 Марта

Была еще въ различныхъ клиникахъ и лазаретахъ, вездѣ одинъ отвѣтъ: сестеръ сверхъ комплекта. По дорогѣ зашла къ Наташѣ. Прислуга сказала, что она еще не встала; мнѣ это показалось страннымъ, я постучала въ дверь, отвѣта нѣтъ, громко позвала ее по имени. Раздалися шаги, дверь открылась и Наташа опять скрылась

за ширмой въ постели. «Иди сюда», позвала она меня. Подойдя и присѣвъ къ ней на кровать, я спросила ее, адорова ли она. «Понимаешь, лежу, чтобы не ощущать голода, буквально нѣтъ больше силъ жить. Спасибо, что ты пришла, я хотѣла уже положить конецъ этому ужасному существованію, опоздай ты немного, и я выпила бы эту гадость». Она указала на стаканъ, стоявшій на стулѣ у постели. «Что это?» — «Сулема». — «Наташа!» «Да вѣдь пойми же два дня ничего не ѣла, а вотъ эта дрянь своего кота ветчиной кормить и знаетъ, что рядомъ человекъ съ голоду умираетъ», прибавила она, указавъ на дверь хозяйки. Я вылила жидкость изъ стакана въ ведро и сказала, что не уйду, пока она не встанетъ, что затѣмъ мы пойдемъ ко мнѣ и тамъ рѣшимъ, какъ быть. Люша навѣрно уже давно проголодался и ждетъ меня. Остальную часть дня Н. провела у меня, помогая мнѣ въ нашемъ несложномъ хозяйствѣ. Рѣшено было, что она съ утра будетъ приходить къ намъ и исполнять мои обязанности дома, пока я буду рыскать въ поискахъ за занятіями.

30 Марта

Буквально вездѣ, куда ни сунешься, вездѣ одинъ отвѣтъ, нѣтъ свободныхъ вакансій. Зашла Д., она уже девять дней работаетъ въ больницѣ. Работа тяжелая исключительно ночью. Питаніе ужасное, одно хорошо — одинъ фунтъ хлѣба обезпечить каждый день. Она обѣщала поговорить со ст. сестрой относительно меня. Видъ у нея очень утомленный и похудѣла она очень; и на нее произвела такое же впечатлѣніе. Она осталась у насъ къ обѣду, который состоялъ изъ стакана черного кофе и овсянныхъ блинчиковъ. Н. была за хозяйку и съ свойственнымъ ей юморомъ брала все съ комичной стороны. Я къ сожалѣнію должна была опять прилечь, такъ какъ боли ужасныя . . .

31 Марта

Сегодня психодила всѣ лазареты до послѣдняго и ничего! . . . Вернувшись домой, сейчасъ же легла. Милая Н. принесла горячаго чаю. Пока они обѣдали, я лежала и, чтобы не кричать отъ отчаянія и боли, напѣвала какой-то однообразный мотивъ. Вечеромъ съ Наташей сосчитали наши финансы; за девять дней парасходовано 470 р. Что же дальше? Есть отъ чего съ ума сойти . . .

1 Апрѣля

Сегодня съ Н. тащили черезъ весь городъ въ ремняхъ купленные дрова; достать кого-нибудь, чтобы принесть, нѣтъ никакой возможности. Дрова теперь тоже своего рода предметъ роскоши; кольцо 35 р. — Устали, какъ почтовые лошади, а ко всему этому еще эти ужасныя боли. Около четырехъ часовъ зашла Нпючка за Люшей; сегодня рожденіе Андрюши, а мы съ Наташей прилегли. Около шести часовъ постучали въ дверь. Н. открыла, я не слышала съ кѣмъ и о чемъ она говорила, но вдругъ раздалось громкое ура. Я вскочила. Въ комнату вошелъ Саша и волнуясь сообщилъ, что сестра прислала сказать, что въ виду болѣзни одной изъ сестеръ есть свободная вакансія и, если я къ 7 часамъ сегодня явлюсь, то мѣсто останется за мною. Ура! Вмигъ все было забыто, и боли, и голодь! Оставался часъ на всѣ сборы и дорогу. Черезъ полчаса уходилъ послѣдній трамъ. Поручивъ Люшу заботамъ Н. и сунувъ въ сакъ халатъ и косынку, я въ сопровожденіи Саши направилась къ трамваю. Дорогой онъ мнѣ рассказалъ, что моя предшественница заболѣла тифомъ и что вообще въ больницѣ свирѣпствуетъ тифъ. Ровно въ 7 часовъ я была уже на мѣстѣ. Старшая сестра встрѣтила меня привѣтливо; пошла со мною въ канцелярію, гдѣ уже сидѣли исключительно только товарищи. Здѣсь были провѣрены мои бумаги, вѣрифіе мой историческій документъ и я включена въ штатъ служащихъ. Затѣмъ сестра повела меня по отдѣленіямъ. У меня ихъ оказалось три, больныхъ около 300 человекъ, тяжело больныхъ 20, изъ нихъ пять были тифозные, но лежали въ общихъ палатахъ;

предполагалось их перевести въ тифозное отдѣленіе, когда тамъ освободятся мѣста. Начало недурно, думала я, но одинъ фунтъ хлѣба чего-нибудь да стоитъ! Въ 8 часовъ вступила на дежурство. Сестры въ отдѣленіяхъ латышки, за исключеніемъ двухъ; одна изъ нихъ особенно была симпатична, сестра Регина, къ сожалѣнію, черезъ два мѣсяца ей уже не стало, она умерла отъ тифа. Въ 9 часовъ пришелъ дежурный врачъ и, обойдя со мною всѣ палаты, ушелъ къ себѣ, а я, улучивъ свободный моментъ, спустилась внизъ къ Дэзи. Свиданіе было радостное, теперь будемъ вмѣстѣ работать, вмѣстѣ домой уходить. До одиннадцати было все спокойно, мы съ Д. успѣли уже нѣсколько разъ повидаться и обмѣняться мыслями. Съ 12 ч. началась работа. Привезли раненыхъ и больныхъ. Въ мое отдѣленіе 40 человѣкъ. Несчастные должны были мыться въ холодной водѣ, такъ какъ низшій служебный персоналъ не работаетъ ночью и горячей воды ночью не имѣется. Нѣкоторые были съ высокой температурой и я спросила дежурнаго врача, какъ же быть, неужели и имъ лѣзть въ холодную ванну. «Разъ такое постановленіе существуетъ, приходится подчиняться», былъ отвѣтъ. Брань и неудовольствіе царили среди больныхъ. Помимо всего этого многимъ изъ нихъ пришлось лечь въ своемъ грязномъ бѣльѣ, такъ какъ чистаго не хватало на всѣхъ. Пока вся эта процедура мытья, бритья и стрижки и записей продолжалась, было уже три часа. Тяжело больные отпмали тоже много времени. Въ каждомъ отдѣленіи былъ свой шприцъ для вспрыскиванія морфіи и камфоры, но ничего для дезинфицированія иглъ, такъ что я въ первое свое дежурство и не рискнула прибѣгнуть къ этому сомнительному «инструменту», вслѣдствіи чего несчастные тяжелораненые страшно страдали. Въ пять часовъ зашумѣли подъ окнами автомобиля. Неожиданная эвакуація пятидесяти больныхъ. Опять пришлось ихъ собирать и отправлять. Въ 7¹/₂ часовъ явились дежурныя сестры и мы съ Д., сдавъ отдѣленія, отправились внизъ въ кухню за своей суточной порціей. Оказалось, что сегодня еще давали четверть фунта колбасы, это уже роскошь! Уложивъ эти драгоценности въ сакъ, мы вышли на улицу, гдѣ еще простояли минутъ двадцать въ ожиданіи трамвая. Отъ усталости мы едва говорили и, найдя свободныя мѣста, успѣли вздремнуть дорогой. Дома прошла сейчасъ въ ванную, гдѣ умылась и перемѣнила бѣлье и платье, послѣ чего только вошла въ нашу комнату, гдѣ Люша и Наташа ждали съ кофеемъ. Наскоро выпивъ горячаго кофе, я сейчасъ же легла. Н. съѣла съ Люшей за нѣмецкій урокъ¹, обѣщавъ разбудить меня въ два часа. Отлично выспавшись, дала Люшѣ урокъ русскаго языка, а затѣмъ принялись съ Н. за глаженіе бѣлья. Въ 6¹/₂ час. пришлось уже опять отправляться. По дорогѣ зашла за Д., ей бѣдной сегодня сильно нездоровилось. Вторая ночь была очень безпокойная. Кромѣ привезенныхъ раненыхъ и больныхъ миѣ принесли еще съ улицы двухъ умирающихъ рабочихъ. Осмотрѣвъ ихъ, докторъ сказалъ, что повидимому отъ истощенія и посоветовалъ ихъ положить прямо въ такъ называемую «покойницкую». «Неужели, ничего сдѣлать нельзя?» «У насъ для этого ничего нѣтъ, понимаете. Нѣтъ соответствующихъ средствъ, даже горячей воды не имѣется. Игра не стоитъ свѣчъ», замѣтила онъ, уходя. Когда я нагнулась надъ однимъ, то замѣтила крупную слезу, скатившуюся изъ подъ полузакрытыхъ нѣкъ. Можетъ быть, отецъ семейства, подумала я. Нѣтъ, какъ-то еще не всѣ чувства притупились. Найдя свободную койку, велѣла его положить. У ст. сестры вымолила электр. кипятильникъ и, согрѣвъ воду, обложила его горячими бутылками, сдѣлала нѣсколько вспрыскиваній камфоры и сама не повѣривъ глазамъ, когда черезъ два часа замѣтила маленькую переменъ къ лучшему въ пульсѣ. Мало по малу онъ пересталъ хрипѣть. Съ помощью санитаря влила ему въ ротъ немого теплаго молока. Онъ сталъ дышать ровнѣе. Второй былъ очень старъ и всѣ мои старанія не увѣнчались успѣхомъ, пришлось его дѣйствительно

отнести въ «покойницкую». Къ утру мой «паціентъ» пришелъ въ себя. Я принесла ему немного булки и молока, выпросивъ для него у эконома. Онъ съѣлъ малость и вынулъ. Передававъ отдѣленіе, просила сестру обратить на него особенное вниманіе. Домой пришлось пойти нѣшкомъ, по случаю того, что въ воскресенье трамваи не ходятъ.

2 Апрѣля

Напившись чаю, не ложаюсь, отправилась съ Н. на рынокъ. Положительно ничего нѣтъ! Послѣ безконечнаго хожденія купили изъ подъ полы для Люши одинъ фунтъ масла 60 р. и немного картофеля и брюквы. Еслибы не этотъ фунтъ хлѣба, что я приношу каждый день, можно было бы буквально умереть съ голоду. Боли мои даютъ себя сильно чувствовать, иной разъ должна прилечь, чтобы не сдѣлалось дурно. Плохо, коли здоровье еще измѣнить! Сегодня мнѣ такъ и не пришлось поспать. Только что я кончила урокъ съ Люшей, пришла бар. М. съ всевозможными новостями и просьбой взять къ себѣ немного бѣлья и серебра. Условились, что Юлія принесетъ вечеромъ Н. На дежурство пришлось идти опять нѣшкомъ. Дорогой почувствовала опять сильныя боли. Дэзи тоже едва плелась съ страшной головной болью. Одна радость для меня была найти своего паціента уже сидящимъ на кровати. Онъ со слезами благодарилъ меня. Ему уже все рассказали больные. Сегодня въ общемъ довольно спокойное дежурство, только боли мои меня прямо съ ума сводятъ. Составила три табурета и попробовала прилечь хоть на нѣсколько минутъ, но, повидимому, задремала. Проснулась отъ быстрыхъ шаговъ въ корридорѣ и, когда я вскочила, то Дэзи стояла передо мною, но въ какомъ видѣ! Безъ косынки, волосы растрепанные, вся красная, взволнованная, съ полными слезъ глазами. «Что случилось?» спросила я. «Нѣтъ, это право больше, чѣмъ человѣкъ можетъ выдержать». Она расплакалась. Давъ ей успокоиться, я просила ее толкомъ рассказать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что какой-то товарищъ Рѣзинъ изъ канцеляріи или изъ амбулаторіи влюбился въ нее и уже нѣкоторое время все пристаётъ къ ней съ своими чувствами. Она до сихъ поръ старалась отдѣлаться шутками; сегодня же ночью пришелъ къ ней въ дежурную и сдѣлалъ ей формальное предложеніе. Когда же она ему отказала, говоря, что замужемъ и хотѣла уйти, онъ схватилъ ее и не пускалъ. Не помня себя отъ ужаса, Д. ударила его по лицу. Онъ былъ страшно обозлѣнъ и сказалъ, что она его попомнитъ, если не одумается, онъ уже сообщитъ, кому нужно, «кто мы такія». Я ей посоветовала рассказать обо всемъ старшему врачу. «Это невозможно, онъ тогда навѣрно донесетъ». Да, положеніе пиковое, придется поломать голову, пока выйдешь изъ этого тупика! Рѣшили завтра обсудить этотъ вопросъ. Успокоивъ ее немного и проводивъ внизъ, я поднималась къ себѣ, когда услышала непустовой женскій крикъ; даже спавшій санитаръ вскочилъ. Въ тифозномъ отдѣленіи, крикъ былъ оттуда, слышалась бѣготня, громкіе голоса, затѣмъ все стихло. Уже утромъ мы узнали, что одинъ тифозный больной повѣсился. На слѣдующій день былъ страшный скандалъ, который ст. врачу чуть не стоилъ жизни.

3 Апрѣля

Навѣстила сегодня въ клиникѣ свою бывшую паціентку, она страшно обрадовалась; жаловалась, что частые обыски въ клиникѣ дѣйствуютъ убійственно на ея нервы, но въ общемъ ей очень хорошо въ клиникѣ.

6 Апрѣля

Какъ все ужасно складывается. Бѣдная Д. заболѣла тифомъ. Ее положили въ ту же комнатку-дежурку, гдѣ два дня тому назадъ повѣсился больной. Сестра Р. будетъ около нея, это меня нѣсколько успокаиваетъ, такъ какъ это почти единственная опытная и добросовѣстная сестра. Бѣдный Саша, я зашла сообщить ему эту

грустную вѣсть. Бѣдный мальчикъ съ трудомъ сдерживался, чтобы не разрыдаться; онъ такъ безгранично любитъ свою маму Дэзи. Сегодня пришлось дежурить въ пяти отдѣленіяхъ, сестры латышки отказались дежурить ночью, а Дэзина замѣстительница сегодня не пришла. Работы было много: одного изъ привезенныхъ раненыхъ пришлось взять прямо въ операционную, онъ истекалъ кровью. Всю ночь буквально не пришлось присѣсть. Одинъ моментъ мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что я должна была опуститься на подоконникъ, чтобы не упасть. «Да вы просто голодны, сестра, замѣтилъ врачъ. Вамъ надо чего-нибудь поѣсть, идите-ка ко мнѣ въ дежурку, не обижайтесь, что я прямо безъ церемоніи предлагаю Вамъ подкрѣпиться, у меня всего есть еще, слава Богу! Нельзя же всю ночь работать съ холоднымъ шумомъ въ желудкѣ». У него дѣйствительно было всего, даже горячій кофе съ молокомъ и сахаромъ. Подкрѣпившись и поблагодаривъ гостепріимнаго доктора, я хотѣла уходить, когда онъ мнѣ сказалъ: «Вотъ здѣсь кусокъ жаренаго мяса, булка, масло, кусокъ пирога, возьмите все это для Вашего мальчика. Я знаю, что у васъ есть сынъ, не обижайтесь на меня». Какая могла быть обида, я чувствовала глубокую благодарность къ этому доброму человѣку. Съ полными руками вернулась я въ дежурную. Передъ уходомъ домой, спустилась къ Д.; она лежала въ бреду, никого не узнавала и часто проносила имя Рольфа. Р. сказала, что она всю ночь была безпокойна, все порывалась выскочить изъ кровати. Сестра Р. тоже имѣетъ видъ страшно утомленный.

8 Апрѣля

Опять пѣшкомъ! Сегодня нѣтъ движенія до 12 ч., по случаю собранія служащихъ трамвая. Домой добралась еле живой, — жара нестерпимая. Прилегла, но уже въ часъ встала. Сегодня дѣтямъ обѣщана поѣздка на пароходѣ въ Гагенсбергъ къ Г. Вскорѣ пришли В. съ сыномъ и Саша и мы всей компаніей отправились на пароходную пристань. Дѣти были въ восторгѣ; все время весело болтали, даже суровыя лица большевиковъ на пароходѣ прояснились, глядя на ихъ веселыя, милыя мордочки. Отъ пристани пришлось еще кусочекъ пройти пѣшкомъ до дачи Г. Наташа всю дорогу каламбурила. Поздоровавшись съ хозяйкой, мы сейчасъ всѣ перешли въ садъ, гдѣ было страшно мило. Хозяйка пзвинялась, что кромѣ саго, ничего не можетъ предложить своимъ гостямъ. Мы ее успокоили, сказавъ, что съ нами есть все, что нужно. Н. въ корзиночкѣ забрала хлѣбъ, масло, пирогъ — вчерашній подарокъ нашего доктора. Дѣти были внѣ себя отъ радости, бѣгали, рѣзались по саду. Для меня, несмотря на страшную усталость, эти три часа, проведенные въ этомъ зеленомъ уголкѣ, были дѣйствительно пріятнымъ отдыхомъ. Въ 6^{1/2} вернулись въ городъ и я, у подъѣзда простившись съ дѣтьми, В. и Н., отправилась въ больницу. Саша проводилъ меня кусочекъ, поручивъ милліонъ поцѣлуевъ для своей Дэзи. Онъ и не знаетъ, что его мама Дэзи никого уже не узнаетъ больше. Какъ тяжело!

Сегодняшнюю ночь вмѣсто меня дежурить новая сестра, а я дежурю въ тифозномъ. Кромѣ Дэзи, другіе мои больные были спокойны. Д. все время вскакивала, пѣла, просила поминутно пить. Меня не узнавала, называя всевозможными именами; одинъ разъ, когда я ей подавала пить, она вдругъ наклонила голову и перекрестилась. Часто хватается за голову и стонетъ, повторяя «голова моя, голова» . . .

10 Апрѣля

Повидимому большевики крѣпко засѣли въ Ригѣ. У насъ въ больницѣ большинство изъ больныхъ симулянты. Народъ этотъ бѣгаетъ по больницѣ въ бѣльѣ, часто въ своемъ грязномъ, за недостаткомъ казеннаго, босыми и безъ халатовъ. Видъ удручающій! . . . Болѣе серьезныхъ пациентовъ приносятъ съ улицы, все жертвы голода! Сегодня принесли старика и старуху, которые почти сейчасъ же и скончались.

Страстная недѣля! Приближается праздникъ Пасхи, этотъ чудный праздникъ для всѣхъ христіанъ, но ничто не напоминаетъ о его близости . . . церкви всѣ стоятъ закрытыми. Мои «симулянтъ» ведутъ крупную карточную игру, цѣлыя кучи денежныхъ бумажекъ валются на столахъ и кроватяхъ. Всѣ мои просьбы и требованія прекратить игру — не помогаютъ. Сегодня даже въ одной палатѣ на мое требованіе отдать карты одинъ латышъ влобно замѣтилъ: «Вы не очень, сестра, ретиво исполняйте полицейскія обязанности, въ лучшемъ видѣ подведемъ и вылетите отсюда». Ужасная публика!

Въ два часа ночи появился ст. врачъ, пошелъ по палатамъ и засталъ въ одной карточную игру. Онъ страшно вснылилъ, переписалъ всѣхъ и сказалъ, что переведетъ ихъ въ штрафную роту. Миѣ сдѣлалъ строжайшій выговоръ. Я, конечно, молчала. «Что же вы ничего не отвѣчаете?» вдругъ спросилъ онъ, идя по корридору. Я ничего не отвѣтила; онъ внимательнѣе посмотрѣлъ на меня и уже мягче прибавилъ «съ этимъ народомъ трудно, я скажу дежурному врачу сообщить больнымъ о приказѣ Троцкого по войскамъ относительно карточной игры, а Вы, сестра, будьте тоже построже», и уже милостиво пожавъ миѣ руку, пожелалъ спокойной ночи . . .

11 Апрелья

Сегодня въ больницѣ общее собраніе. Я еще ни разу не была и ст. сестра посоветовала миѣ пойти. Собраніе было около кухни въ обширномъ подвальномъ помѣщеніи; председательствовалъ ст. врачъ. Говорилъ все больше кухонный персоналъ: судомойки, сидѣлки, сторожа; медицинскій персоналъ сидѣлъ молча. Говорилось преимущественно о неудовлетворительности пищи. Нѣкоторые прямо заявляли, что въ больницѣ идетъ грабежъ за счетъ трудового люда, «и не безъ вѣдома ст. врача», раздалось съ заднихъ скамеекъ. Ст. врачъ нѣсколько разъ порывался отвѣтить, но ему не дали слова. Больные заявляли жалобу на грубое и невнимательное отношеніе сестеръ; отчасти это было вѣрно. Латышки-сестры были фамиллярны въ своемъ обращеніи съ солдатами, во подчасъ грубы и рѣзки съ больными, особенно не изъ латышей. Но вотъ встала одна сестра и потребовала слова. Она говорила по латышски, но сидѣвшая рядомъ со мною сестра Герцхенъ перевела миѣ: она возмущалась, что среди больничнаго персонала слишкомъ много нѣмецкаго элемента; неужели въ самой Латвіи говорила она, не нашлось достаточно латышей на эти мѣста. Возмущалась, что нѣмецкій языкъ преобладалъ даже среди сестеръ латышекъ, что во всемъ замѣчается пагубное для нихъ нѣмецкое вліяніе и что къ ея величайшему прискорбію она не замѣчаетъ ни малѣйшаго противодѣйствія этому со стороны старшихъ властей больницы. — Это уже походъ на насъ, думала я. Наконецъ поднялся ст. врачъ и заявилъ, что ни одинъ изъ вопросовъ, стоящихъ на очереди сегодня, не былъ обсужденъ и что за недостаткомъ времени онъ лишень возможности отвѣтить на всѣ сегодняшнія заявленія, а потому все откладывается до слѣдующаго общаго собранія. Поднялся шумъ, крикъ, руготня, — мы поторонились уйти.

12 Апрелья

Бѣдной Д. очень плохо. Ей дѣлаютъ частыя впрыскиванія камфоры и дегалена. Сашокъ каждый день заходитъ къ намъ узнать о сестрѣ, а я не рѣшаюсь сказать ему правду. Какъ тяжела жизнь!

13 Апрелья

Сегодня зашла В. ужасно встревоженная: съ нѣкоторыхъ поръ въ министерствѣ ея мужу стали выказывать недовѣріе, а сегодня даже его другъ-капитанъ посоветовалъ ему проситься въ другой какой-нибудь отдѣлъ; онъ хочетъ просить мѣсто агронома въ деревню. Я высказалась, что на мой взглядъ это будетъ еще труднѣе, такъ какъ придется имѣть дѣло съ простыми латышами, для которыхъ онъ всегда останется

предметомъ ненависти, и лавировать въ этой средѣ будетъ еще труднѣе, а въ случаѣ прихода нашихъ даже опасно. Она увѣряла, со словъ мужа, что большевики сидятъ крѣпко и никогда не были такъ сплывы, какъ въ данное время. Утѣшительно для насъ! Но кто знаетъ? Она предложила намъ ее проводить и напиться у нихъ чаю. Наташа играла немного на роялѣ.

17 Апрѣля

Первый день Пасхи! Какое унылое настроеніе, вездѣ хмуря лица! Одна природа въ блескѣ своей весенней красоты празднуетъ этотъ свѣтлый праздникъ! Среди больныхъ царитъ тоскливое, нудное настроеніе. Только мелькающіе по палатамъ, сегодня особенно бѣлые халаты и косынки сестеръ, какъ бы протестуютъ противъ общаго сѣраго колорита. Сегодня умеръ у меня въ палатѣ русскій солдатъ; онъ былъ чахоточный и раненъ въ легкое; подозревая меня, попросилъ священника исповѣдываться. Пошла я въ канцелярію спросить, какъ же быть. «Не полагается», былъ короткій отвѣтъ. Бѣдняга повидимому страшно страдалъ, все просилъ меня посидѣть около него: «Я, сестрица, не большевикъ; видитъ Богъ, не по своей волѣ сюда пришелъ, нужда заставила. Не думай, сестрица, что народъ по своей волѣ идетъ . . . охъ, тяжело . . . и поисповѣдаться то не разрѣшили, мучители»; я его успокаивала, какъ могла. «Сестрица, коли помру, положи мя въ гробъ вотъ этотъ образецъ и ладонку». Я конечно обѣщала исполнить. Къ утру бѣдняга умеръ. Положивъ въ скрещенныя на груди руки образецъ и ладонку, прикрыла его простыней. Господи, сколько такихъ мучениковъ умираютъ и за что? За какое доброе дѣло? Въ 7¹/₂ часовъ явилась дежурная сестра. Узнавъ, что въ палатѣ находится еще покойникъ, она подошла и, рѣзкимъ движеніемъ сорвавъ простыню, удивленно посмотрѣла на меня: «кто его такъ положилъ»; на мой отвѣтъ, она какъ-то ядовито спросила: «какъ, вы даже не знаете, какъ кладутъ нашихъ?» Замѣтивъ образецъ, она еще возмущеннѣе закричала: «это еще что за гадость!» и отбросивъ его въ сторону, грубымъ движеніемъ вытянула руки покойника. «Всякая тутъ нѣмка будетъ свои порядки заводить», волновалась она. На этотъ разъ и больные были возмущены. «Это вы уже напрасно, сестра», замѣтили нѣкоторые робко. Я молча вышла, но внутри меня все кипѣло и возмущалось. Такая душевная грубость, я думаю, и среди звѣрей немислима.

18 Апрѣля

Придя вечеромъ на дежурство, была встрѣчена восклицаніями сестеръ: «Слава Богу, вы не арестованы, здѣсь уже ходили слухи, что васъ съ вашимъ мальчикомъ арестовали на улицѣ». — «Пока нѣтъ». «Ну, такъ еще будетъ», спокойно замѣтила писавшая за столомъ сестра Э. Сестры смѣялись: «Что вы такая злая сегодня, сестра?» «Ненавижу этихъ высокомерныхъ нѣмокъ, и чего онѣ всюду суются». «Ну, бросьте вашихъ высокомерныхъ нѣмокъ», смѣясь замѣтила я, «идемте въ отдѣленіе, передайте мнѣ вашихъ больныхъ». Она нехотя встала и пошла со мною. По дорогѣ поругалась съ солдатомъ, который жаловался, что не получилъ лѣкарства. Я вздохнула легче, когда она наконецъ ушла. Дѣзи все еще между жизнью и смертью; докторъ къ ней очень внимателенъ. Сегодня принесъ лекарство для нея, которое съ трудомъ можно достать въ городѣ. Она теперь изрѣдка узнаетъ и какъ-то мелькомъ, несо-всѣмъ ясно.

20 Апрѣля

Сегодня зашла М. и рассказала по секрету, что въ городъ проникъ подъ видомъ спартакиста нѣмецкій офицеръ и сказалъ кому-то изъ ея родственниковъ, что они надѣются взять Ригу. Боже, еслибы это только была правда! «Тяжелыя испытанія еще предстоятъ жителямъ города», вздохнула она. Я ей рассказала о сегодняшней

исторіи съ сестрой Э., она покачала головой. Наташа по обыкновенію, страшно волновалась и увѣряла, что «такую дрянь» необходимо отравить. —

23 Апрѣля

Наташа переѣхала съ вещами въ освободившуюся комнату рядомъ съ нами. Уплатили 40 р. керенками, на что симпатичная хозяйка и согласилась. Нѣсколько дней получаю по рецепту нашего врача двѣ кружки молока, которыя и приношу домой. Нашли еще одинъ источникъ, гдѣ получаемъ два раза въ недѣлю по одному штофу (8 р.), такъ что Люша еще не голодаетъ, но мы съ Н. живемъ впроголодь. Все это время вообще ни за какія деньги нельзя достать хлѣба, живемъ исключительно мѣнъ фунтомъ; говорятъ, что и намъ сбавятъ до $\frac{3}{4}$ ф.

25 Апрѣля

Была вызвана въ канцелярію, понадобились справки о моей прежней жизни, родственникахъ. На вопросъ, гдѣ мой мужъ, я отвѣтила, что былъ на фронтѣ, а гдѣ теперь, — мнѣ неизвѣстно. Записали мой городской адресъ, не знаю къ добру ли это все!

Сегодня опять страшнѣйшій скандалъ; какая-то сестра изъ бывшихъ сидѣлокъ по ошибкѣ впустила больному въ глазъ, вмѣсто капель, какой-то ѣдкой жидкости. Ее чуть не разорвали въ отдѣленіи. Это характеризуетъ порядки въ нашемъ заведеніи. У меня ночь была довольно благополучная, не считая собственныхъ болей. Д. здоровье неважно, но не хуже; она лежитъ спокойно, по временамъ плачетъ и какъ будто иногда заговаривается. Докторъ думаетъ, что со временемъ это можетъ пройти.

28 Апрѣля

Сегодня въ нашемъ домѣ шелъ обыскъ, я только что собралась идти спать, когда пришла наша хозяйка насъ предупредить. Наташа «ничтоже сумняшеся», написала на листѣ бумаги верхковыми буквами — сестра послѣ ночного дежурства спитъ и проситъ не беспокоить — и водворила на мою дверь съ лѣстницы. На ея вопросъ, что дѣлать съ бѣльемъ и серебромъ старушекъ, я только рукой махнула, «что Богъ дастъ!» Я была такой уставшей и боли до того замучили, что еслибы мнѣ сказали, что въ домѣ пожаръ, я бы и тогда не тронулась съ мѣста. Наташа съ Люшей перешли въ сосѣдную комнату, а я почти сейчасъ заснула. Проснувшись послѣ пяти, узнала, что обыскъ благополучно миновалъ мою комнату. Какъ-то день теперь проходить для меня незамѣтно; живешь, какъ сова ночью. А дни стоятъ обворожительные. Сегодня, проснувшись, изъ постели любовалась въ открытое окно цвѣтущими каштанами и большимъ грушевымъ деревомъ, сплошь покрытымъ бѣлыми цвѣтами. Н. съ дѣтьми проводилъ меня часть дороги. Все уже зелено, солнышко такъ чудно свѣтитъ и такъ безконечно грустно на душѣ . . .

30 Апрѣля

Большевики готовятся къ празднованію 1-го мая. Сегодня, проходя, видѣла среди площади выстроенное на подобіе капища зданіе съ безконечными пирамидками вдоль площади. Огромные красные шести, украшенные красными лентами и гирляндами цвѣтовъ съ массовой звѣздой на верхушкѣ, тянутся безконечной линіей вдоль улицъ. Вездѣ, куда ни помотришь — красно. Вся эта бутафорія стоила, говорятъ, больше милліона, а кому она нужна, вся эта безвкусица! Развѣ это не есть народія столь осуждаемыхъ старыхъ порядковъ? Въ больницѣ получился приказъ, требующій участія въ празднествѣ всѣхъ служащихъ кромѣ дежурныхъ. Я себя освободила отъ этой обязанности, въ виду ночного дежурства.

1 Мая

По случаю великаторжественнаго дня трамъ не ходитъ, и пришлось опять тащиться цѣлый часъ пѣшкомъ домой. Улицы уже съ 8 утра переполнены народомъ и всевозможными депутаціями. Все это строится въ одну безконечную процессію и подъ звуки музыки направляется со всѣхъ сторонъ къ соборной площади, гдѣ высочайшія власти и ораторы всевозможныхъ организацій, живописно группируясь на ступенькахъ храма свободы среди пальмъ и цвѣтовъ, намѣревались возвѣстить освобожденному ими народу новую эру въ исторіи человѣчества. Но, что бросается въ глаза въ этотъ историческій день торжества большевистскихъ идей, это отсутствіе спокойныхъ, довольныхъ лицъ, какъ обыкновенно бываетъ у людей связанныхъ одной общей идеей. Вездѣ, куда ни бросишь взглядъ, — недовольныя, мрачныя, равнодушныя лица. Повидимому, столь восхваляемая свобода не осчастливила освобожденнаго отъ гнета народа. Добравшись наконецъ до своей постели, я рада была, хотя бы во снѣ, забыть удручающую дѣйствительность. Проспавъ добросовѣстно до пяти, я еще лежала въ постели, съ грустью помышляя о предстоящемъ путешествіи пѣшкомъ въ больницу, когда вернулись Н. съ Люшей; и первая съ свойственнымъ ей комизмомъ принялась рассказывать обо всемъ, что она видѣла и слышала. Я ей часто говорила въ шутку, что слушая ее — забываешь, что въ желудкѣ пусто. Пожелавъ другъ другу спокойной ночи мы разошлись.

3 Мая

Въ нашемъ образцовомъ заведеніи еще заболѣли тифомъ сестра и двѣ сидѣлки. Было опять общее собраніе, очень бурное, на которомъ низшій служебный персоналъ обвинялъ врачей въ будто-бы умышленномъ распространеніи тифа среди трудового персонала больницы. Подъ трудовымъ они, конечно, подразумѣвали исключительно себя. Когда же одинъ врачъ попробовалъ возразить, указавъ, что въ прошломъ мѣсяцѣ умеръ врачъ и двѣ сестры и въ данный моментъ лежатъ въ тифозномъ три сестры и фельдшеръ. Со всѣхъ сторонъ послышались возгласы: «молчать». Грозили кулаками и дѣйствительно оставалось только замолчать. Одна сидѣлка заключила свою рѣчь: «доктора и сестры — другое дѣло, они могутъ себѣ сами помочь, а нашего брата умышленно морятъ». Почему умышленно и нѣмъ, осталось неизвѣстнымъ. Съ каждой минутой ораторы и ораторши становились воинственнѣе, ихъ подзадоривали съ заднихъ скамеекъ возгласами: «такъ ихъ, подѣломъ». Съ минуты на минуту можно было ожидать, что дѣло дойдетъ до драки. Улучивъ удобный моментъ, я вышла. Въ отдѣленіи уже ждала меня работа: принесли съ улицы умирающихъ — мальчика лѣтъ 14 и женщину съ малевскимъ ребенкомъ, всѣхъ троихъ подобрали на улицѣ. По опредѣленію врача: «отъ голода». Подымаются волосы отъ ужаса; куда мы идемъ, или вѣрвѣе, куда ведутъ насъ наши благодѣтели? Послѣ продолжительныхъ стараній удалось привести въ чувство мальчика, женщина же умерла, не придя въ себя. Остался несчастный двухлѣтній заморышъ; уложила его, напоивъ молокомъ, въ дежуркѣ.

7 Мая

Получили жалованье 430 р. керенкамп, иначе говоря, негодной бумагой, на которую ничего купить на рынкѣ нельзя. Положеніе не совсѣмъ веселое! . . .

Дэзи поправляется, но ко всему апатична.

8 Мая

Забѣжала В. сообщить, что мужъ ея уже уѣхалъ на свое новое мѣсто агронома около В. Прислалъ ей уже всякой всячины: масла, хлѣба, яицъ, мяса. Слушая ее, у насъ съ Н., какъ говорится, слюнки потекли. «Я и Вамъ кое-что привесла», добавила она и изъ своей рабочей корзинки достала свертокъ. «Котлетки! — закричала

Н., и цѣлый «пудъ» хлѣба, да это цѣлое богатство, мы уже и во снѣ давно не ѣли мяса». Наташа аабарабанила торжественный маршъ на пустомъ кофейникѣ. «Ахъ, вы наша милая «редисочка», давай Вамъ Богъ много лѣтокъ и дѣтокъ». Но и это было еще не все. В. поавала насъ къ ужину и угостила на славу. П. взяла даже ноты и съ большимъ чувствомъ играла намъ Сибеліуса и Рахманинова. Я, кромѣ котлеты и кусочка хлѣба съ масломъ, ничего не могла ѣсть изъ-за болей, но Н. и Люша не аа-ставляли себя просить и оказали честь всему. Потомъ они проводили меня еще немного. Пришлось идти опять всю дорогу пѣшкомъ, трамвай «для удобства» не ходить. У большпцы столкнулась съ бар. М. и Ш., они живутъ совсѣмъ близко отсюда и аашли меня навѣстить. Къ сожалѣнію, могла очень недолго съ ними поговорить. Они сообщили, что наши спасители приближаются. Опасаются новыхъ ужасовъ со стороны большевиковъ. Обѣщавъ ихъ навѣстить, поднялась въ отдѣленіе. Дежурство въ тифозномъ. Ночью Д. помаяила меня къ себѣ и спросила: «что это за музыка?» Я ничего не слышала. Она заволновалась: «Слушай же, пѣдь это же нѣмецкая *Wacht am Rhein.*» Затѣмъ отвернулась къ стѣнѣ и затихла. «Ахъ, еслибы это было такъ», подумала я.

10 Мая

Сегодня среди прибывшихъ съ фронта одинъ особенно обратилъ на себя мое вниманіе; онъ и по типу и по манерамъ отличался отъ прочихъ. Быстро умывшись и переодевшись въ чистое бѣлье, пока остальные вели безконечныя пререканія, онъ подошелъ ко мнѣ и попросилъ по нѣмецки указать ему мѣсто въ палатѣ. Привычнымъ ухомъ сразу уанала иностранца. Пруссакъ! Неужели пробрался? А можетъ быть спартакистъ, только почему-то не похожъ . . . Фу, какъ сердце забилося! Отвела ему койку въ сторонѣ отъ другихъ.

Вскорѣ принесли еще одного милиціонера въ беасоанательномъ состояніи; сопровождавшая его жена сказала, что онъ сердечный больной; съ нимъ пришлось повозиться. Пока онъ пришелъ въ себя, я спросила его по русски, какъ онъ себя чувствуетъ. Испуганно посмотрѣвъ на меня, онъ скаааль что-то по латышски сосѣду, тотъ мнѣ перевелъ, что онъ жалуется, что русская сестра его хочетъ отравить. Что за чудеса! На рѣдкость несимпатичный больной . . . антипатія повидимому обоюдная.

14 Мая

Мой «пруссакъ» попросилъ меня достать ему разрѣшеніе поѣхать въ городъ навѣстить мать. Ему дали отпускъ на два дня. Онъ ушелъ и мы его больше въ больницѣ не видѣли. Дѣзи физически замѣтно поправляется, но все такая же отсутствующая. Товарищ Р. выкааживаетъ большой интересъ къ ней, сегодня прислалъ бутылку вина. Теперь-то его вниманіе кстати, но что будетъ потомъ? Бѣдная Дѣзи! Милиціонеру моему лучше, но онъ все волкомъ на меня смотритъ и у меня къ нему какая-то необъяснимая антипатія.

15 Мая

Повидимому, бои идутъ на фронтѣ серьезные. Слышна непрерывная канонада, неизвѣстно только, кто стрѣляетъ — наши спасители, или наши мучители. Въ городѣ все спокойно, волненія не замѣчается, какъ будто большевики твердо сидятъ въ немъ. Сегодня торжественно хоронили привезеннаго съ фронта латышскаго полковника. Между прочимъ въ процессіи шель отрядъ «*Flintenweiber*», какъ ихъ здѣсь въ насмѣшку зовутъ.

Когда я шла по Суворовской, навстрѣчу мнѣ попался какой-то штатскій привѣтливо замахавшій мнѣ съ пзвозчика; лицо его показалось какъ будто знакомымъ, но вѣрвѣе всего, что какой-нибудь подвыпившій франтъ, подумала я и пошла дальше. Вскорѣ я услышала, что меня кто-то нагоняетъ, а затѣмъ раздался знакомый голосъ: «*Schwester*»; я обернулась, передо мной стоялъ штатскій. Онъ пошелъ со мною

рядомъ. «In kurzer Zeit sind wir in Riga, Mut, Schwesterchen», шепнулъ онъ; теперь я узнала своего «пруссака». Я подала ему руку и онъ исчезъ въ толпѣ. Фу, какъ сердце забилось, пришлось перевести духъ!

18 Мая

Съ фронта прибываютъ солдаты, раненыхъ нѣтъ; думаю, просто бѣгутъ. Сегодня долго стояла ночью у открытаго окна, прислушиваясь къ отдаленной стрѣльбѣ. Какъ-то не вѣрится уже, устали мы и измучились! Дождемся-ли? Я уже работаю изъ послѣднихъ силъ, да разнѣ я одна? Весь этотъ голодный, умирающій народъ.

19 Мая

Дежурю въ тифозномъ, анатія Д. приводитъ меня въ отчаяніе. Въ свободную минуту присѣла у ея постели, взяла ея исхудалую руку и, не будучи въ силахъ совладать съ чувствомъ отчаянія, уткнулась лицомъ въ ея подушку и заплакала. Она долго смотрѣла на меня, потомъ нагнулась ко мнѣ и ласково провела рукой по моей щекѣ . . .

20 Мая

Я собиралась уходить домой, когда въ дверяхъ появилась сестра Э. и съ свойственной ей манерой, не здороваясь, спросила, извѣстно ли мнѣ, что сегодня собраніе коммунистовъ, и что всѣ обязаны явиться. Я ей возразила, что въ виду того, что я не коммунистка, едва ли я имѣю право присутствовать на этомъ собраніи, и спросила, будетъ ли она. «Сочту своей священной обязанностью». Чтобы не попасть впромакъ, зашла къ дежурному врачу спросить. Онъ быстро и рѣшительно отвѣтилъ: «ни въ какомъ случаѣ, Ваша обязанность теперь спать». Я была рада такому разрѣшенію вопроса и успокоенная отправилась домой.

Явившись вечеромъ на дежурство, была вызвана опять въ канцелярію; сидѣвшій за столомъ товарищъ долго разсматривалъ какую-то бумагу, изрѣдка поглядывая на меня. Наконецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ — къ какой партіи я принадлежу. Я, не ожидая такого вопроса, не знала, что собственно отвѣчать и сказала: «мое званіе сестры милосердія исключаетъ меня изъ всякой активной политической партіи». — «Такъ». Затѣмъ послѣдовали опять вопросы — кто я, откуда, кто родные. Я отвѣчала спокойно, не вдаваясь въ подробности. Помолчавъ онъ сказалъ: «нѣкоторые товарищи недовольны, что Вы не знаете латышскаго языка». «Я сама еще болѣе сожалѣю объ этомъ, но за неимѣніемъ свободнаго времени, не могу пополнить этотъ пробѣлъ». Очевидно, это шло отъ сестры Э. Онъ еще разъ пробѣжалъ бумагу, пожалъ плечами и сунулъ ее въ столъ, отпустивъ меня кивкомъ головы.

Навстрѣчу мнѣ попалась взволнованная Р. Отведя меня въ сторону, она сообщила, что здѣсь ходятъ слухи о предстоящемъ арестѣ двухъ нѣмецкихъ сестеръ, фельдшера и сидѣлки. Она была ужасно растроена; я ее успокоила, говоря, что уже не въ первый разъ эти слухи объ арестѣ. Ночью прибыло опять много «симулянтовъ». Отъ русскаго солдатика узнала, что нѣмецъ сильно напираетъ и палитъ изъ пулемета, что красные оставляютъ фронтъ, или переходятъ къ нѣмцу.

21 Мая

Прибѣжала В. сообщить, что ночью секретно вернулся мужъ ея; его положеніе въ деревнѣ оказалось ужаснымъ. Комитетъ рѣшилъ его арестовать; къ счастью онъ узналъ объ этомъ, и ему удалось еще ночью попасть на поѣздъ, что дальше дѣлать — не знаетъ. Былъ у друга капитана, тотъ ему выхлопоталъ съ трудомъ недѣльный отпускъ.

Сегодня съ Н. отдали послѣднія царскія деньги, кромѣ керенокъ ничего въ кассѣ! Мною тоже овладѣло какое-то чувство апатіи и безразличія. Придя на дежурство, столкнулась съ деж. врачомъ. Онъ мнѣ показался какимъ то страннымъ, взволнован-

нымъ. На мой вопросъ, не случилось ли чего, отвѣтилъ: «ничего новаго», гляди мимо меня. «Вотъ, сестра», продолжалъ онъ, «въ большой палатѣ къ вашему милиціонеру пришелъ сынъ, онъ и сейчасъ тамъ; не знаю, о чемъ они говорили, но когда я вошелъ въ палату, больной со слезами сталъ меня умолять отпустить его съ сыномъ сейчасъ. Доложилъ ст. врачу, разрѣшенія не послѣдовало. Больной узнавъ это, обнаружилъ признаки волненія, граничащія съ психозомъ. Я сейчасъ отъ него. Прошу Васъ выпроводить сына, перевести больного въ отдѣльную палату и приставить санитаря; на всякій случай сдѣлайте впрыскиваніе морфія. Выпроводивъ сына и приставивъ санитаря, я пошла внизъ къ ст. сестрѣ за морфіемъ. Въ общемъ прошло не болѣе 15 минутъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, замѣтила волненіе среди больныхъ, столпившихся у оконъ. Во дворѣ собрались люди около чего-то бѣлаго на землѣ. Прежде, чѣмъ мнѣ успѣли отвѣтить, я уже знала, что произошло, и бросилась по лѣстницѣ во дворъ. Мы перенесли выбросившагося въ окно милиціонера въ перевязочную. У него было сильно расшиблено лицо и ноги, другихъ поврежденных не оказалось. Какимъ образомъ онъ могъ выскочить черезъ откидывающуюся вверху окна форточку, когда около него находился санитаръ, случайно зашедшій фельдшеръ и большинство больныхъ было на ногахъ, — до сихъ поръ для меня непонятно. Уложивъ его въ отдѣльномъ помѣщеніи и приставивъ отдѣльнаго санитаря, я пошла въ дежурку. Все случившееся меня страшно взволновало. Въ дверь постучали, вошелъ деж. врачъ. Онъ былъ очень разстроены: «право, не знаю, что вамъ посоветовать; бѣжать, скрыться, если можете», сказалъ онъ, «все сейчасъ случившееся еще болѣе ухудшаетъ ваше положеніе». — «Я васъ не понимаю, въ случившемся несчастіи я не виновата, вы сами знаете». «Ахъ, кто говоритъ о винѣ, поставятъ къ стѣнкѣ и все тутъ. И какой чертъ, съ позволенія сказать, посоветовалъ вамъ, баронесса, сувуться въ это коммунистическое гнѣздо». — «Не чертъ, а голодъ, докторъ, самый обыкновенный голодъ, но причѣмъ тутъ баронесса, скажите?» «Не будемъ же играть теперь въ прятки, скверно, очень скверно ваше положеніе, сестра. Вы что же дѣлать думаете?» Я была близка къ отчаянію. «Дежурить и исполнять взятая на себя обязанности», коротко отвѣтила я. «Помогай Вамъ Богъ!» и онъ вышелъ. Теперь я больше не могла сдерживать слезъ. Выпивъ немного воды и успокоившись, пошла по палатамъ, чтобы не оставаться со своими мрачными мыслями. Около 3-хъ часовъ послышался продолжительный отдаленный гулъ. Гроза! подумала я. Вдругъ вошелъ докторъ. «Вы слышите», спросилъ онъ, подходя къ окну. «Гроза». — «Да что вы? вы бывали на фронтѣ?» Онъ открылъ окно. — «Слушайте, это шумъ летящаго снаряда». Дѣйствительно, шумъ былъ продолжительный и ясный. Сердце сильно забилося. Дождемся ли, тоскливо подумала я. Невольно пришло въ голову замѣчаніе М.: «многое еще предстоитъ испытать въ случаѣ ихъ приближенія къ Ригѣ». Я молчала. Лицо доктора тоже стало свѣтлѣе. «Хотите, чтобы они пришли», нерѣшительно спросила я. «Да, ужъ пора положить конецъ атому безобразію, кто бы тамъ ни былъ!»

22 Мая

Утромъ передъ уходомъ мнѣ пришлось быть въ канцеляріи, гдѣ я была свидѣтельницей слѣдующаго разговора по телефону: — «Вы что же хотите устроить, опять мартовскую панику? . . . Повѣрьте, что эти трусы врутъ . . . у насъ этихъ свѣдѣній не имѣется». Я вышла. Всю дорогу опять пѣшкомъ домой. Канонада непрерывно и близко гдѣ-то. Что же это такое? А если трусы не врутъ! Въ городѣ все спокойно, никакого волненія не замѣчается. Придя домой, рассказала обо всемъ Наташѣ. Она рѣшила сходить въ городъ на развѣдку, а я легла спать. Люша читалъ у стола. Долго ли я спала — не знаю. Проснулась я отъ возгласа Люши: «Муся, hörst deutsches Kommando?» Я открыла глаза. Что это было во свѣ? Люша лежалъ на окнѣ и

продолжать кричать: «Муся, Муся, смотри». Одинъ моментъ, и я была около него. Перегнувшись въ окно, мы увидѣли, Боже, глазамъ не вѣрится! — Отрядъ нѣмецкихъ Feldgrauen въ каскахъ съ ружьями шелъ по нашей улицѣ. Поминутно раздавались выстрѣлы. По улицѣ бѣжали люди въ противоположную сторону, нѣкоторые оставались и поднимали руки, очевидно, сдавшіеся большевики. Черезъ пять минутъ все, что было въ домѣ — старъ, младъ, интеллигентъ, простолюдинъ, богатый, бѣдный — выбѣжало на улицу встрѣчать своихъ спасителей. Они еще намъ кричали не выходить, подождать, запереть двери и окна, такъ какъ еще идетъ стрѣльба, но никто не обращалъ вниманія на эти предостереженія. «Спасены», вырвался, какъ одинъ крикъ изъ сотенъ грудей. Плакали и смѣялись отъ радости, увидѣвъ трехъ изъ ландсвера. Я подбѣжала узнать, гдѣ мой мужъ и beau frère. «Идутъ, все идутъ», весело подтвердили они. Поручивъ Люшу хозяйкѣ, я съ прибѣжавшей сѣющей Наташей, конечно, предварительво обнявшись и расцѣловавшись, отправилась въ городъ. Еще вездѣ стрѣляли и поминутно приходилось укрываться въ подѣздахъ и за выступами. По Суворовской и Александровскому пр. люди, лошади, обозы, все это смѣшалось въ одну безпорядочную обезумѣвшую массу, старавшуюся уйти. Нѣмецкія части ихъ преслѣдовали. На улицѣ показался автомобиль съ военнымъ начальствомъ и быстро промчался; за нимъ слѣдовали другіе съ солдатами. «Мантейфель, Мантейфель», раздавалось со всѣхъ сторонъ. Онъ торопится въ тюрьму на спасеніе заключенныхъ. Въ одну тюрьму ему удалось еще во время послѣтъ и всѣхъ спасти, но въ другой большевики многихъ успѣли уже въ послѣдній моментъ передъ уходомъ разстрѣлять. Роковая пуля одной изъ «Flintenweiber» сразила и самого храбраго Мантейфеля, который дѣйствительно проявилъ эвергію и смѣлость, рисковалъ жизнью, влетая съ своимъ автомобилемъ въ занятые еще большевиками части города для спасенія несчастныхъ заключенныхъ. Вся Рига была на улицѣ, встрѣчая своихъ спасителей. Когда же по улицамъ потянулись обозы, повозки, походныя кухни, общій вздохъ облегченія вырвался изъ тысячей грудей. Благодарностямъ и восторгу не было границъ.

Здѣсь можно было увидѣть трогательныя картины встрѣчъ матерей со своими сыновьями, мужей съ женами. Мы тоже искали своихъ, но напрасно. Избѣгавъ улицы, мы наконецъ рѣшили итти домой. На площади ярко горѣли памятники большевиковъ. Усталыя и счастливыя вернулись мы домой. Наташа отстала купить у солдатика папирозъ, а я поднялась къ намъ въ комнату и привялась съ Люшей приготавливать чай. Онъ уже нѣсколько разъ бросался мнѣ на шею. Вскорѣ прибѣжалъ Саша; мы весело болтали, когда вдругъ по лѣстницѣ раздались быстрые шаги, дверь открылась, послышался Наташинъ голосъ: «смотри, кто». Моментъ, и я лежала въ объятіяхъ мужа. Радость и счастье трудно передать. За нимъ стоялъ Б. «А Дззи?» Разказавъ ему въ короткихъ словахъ все, мы сѣли въ стоявшій внизу автомобиль и поѣхали въ больницу. Кромѣ небольшого числа персонала, все бѣжало. Больныхъ, кромѣ тѣхъ, что были сильно ранены, не оказалось ни одного палицо. Вся больница какъ-бы вымерла. Я вошла первой къ Д., она повернула ко мнѣ свое безучастное блѣдное личико, когда же за мной показалась фигура Б., она вдругъ подвинулась какъ отъ электрическаго тока, напряженно въ него всматриваясь. Затѣмъ протянувъ къ нему руки, она радостно почти шепотомъ произнесла Б., онъ былъ уже на колѣняхъ у ея кровати и теперь уже крѣпко держалъ свою Д. Рѣшено было ее завтра перевезти въ городъ. Радость Саши и всѣхъ насъ не поддается описанію. Вошедшій врачъ сердечно поздравилъ насъ съ чудеснымъ спасеніемъ и преподнесъ на память приказъ о нашемъ арестѣ на 23 Мая. Еще все не вѣрится счастью!